

Тамара Николаева

Толоса и Отголоски

Тамара Николаева
Голоса и Отголоски

«Издательские решения»

Николаева Т.

Голоса и Отголоски / Т. Николаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515746-1

Название книги связано со словами сдержанной на выражение чувств мамы, первыми словами, воспринятыми осознанно. Начинается сборник историями «из века прошлого в век нынешний» — о том, что запомнилось, запало в душу, встревожило, взволновало. Шли годы, наполненные учебой, работой, детьми, заботами, казалось — те давние впечатления стерлись, перестали быть важны. Но обнаружилось, что они стали перекликаться с жизнью нынешней, прошлое не уходит. Его просто видишь иным — объемным — зрением.

ISBN 978-5-00-515746-1

© Николаева Т.
© Издательские решения

Содержание

Голоса и Отголоски	7
Оглянись на свою жизнь...	8
Голоса	9
Голоса времени 1941—1942 годов	9
Истории 1942—1943 годов	10
Когда я уже саму себя и свое бытие осознавала	10
На заре туманной...	10
Истории 1943—1944 годов	11
Истории 1944—1945 годов	12
Совсем осмысленные события из Переславля-Залесского	12
Истории 1945—1946 годов	15
Снегирь	15
Истории 1946 года	17
Лето. Енакиево	17
История 1947—1948 годов	19
Быково	19
Плыли в траве самолеты...	19
Истории 1947—1948 годов	21
Таганрогская собака и непонятная старуха	21
Истории 1947—1948 годов	24
Таганрог – Муром	24
Истории 1947—1948 годов	25
Муром	25
Открытие родственников	25
Истории 1948—1949 годов	27
Событие, перевернувшее мою жизнь	27
Истории 1949—1953 годов	29
Муром – деревня Лядо	29
Яйцо	29
Тетя Мария	30
Настоящая славная ведьма	31
Дед Иван	32
Рассказ деда Ивана «Шишок рогатый»	33
Истории 1953—1957 годов	36
Как я сама перевернула свою жизнь...	36
Дядя Сережа	36
Мама	38
Истории 1953—1957 годов	40
Портрету товарища Сталина	40
Фантазии, а может и не совсем...	41
Что нам стоит дом построить? Нарисуем – будем жить!	42
Обычные школьные будни	43
Эсминец «Быстрый»	45
Истории 1957—1960 годов	49
Преддверие взрослой жизни	49
Неожиданный университет у Пятаевых	50

Конец ознакомительного фрагмента.

51

Голоса и Отголоски

Тамара Николаева

Анне и Марии

Фотограф Анна Николаева

Дизайнер обложки Анна Николаева

© Тамара Николаева, 2020

© Анна Николаева, фотографии, 2020

© Анна Николаева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-5746-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как часто эхо-отголосок громче самого голоса-крика... И всегда тот и другой рождают истории.

Голоса и Отголоски

Роман из историй, идущих, летящих, бредущих из века прошлого в век сегодняшний...

Оглянись на свою жизнь...

Право, стоит оглянуться. Я поняла это давно.

Мне было лет 14, я ехала на свидание с бабушкой в Донбасский город Енакиево. Впервые в жизни ехала одна. Разговаривать не с кем, можно было только слушать.

На лавке напротив сидели две женщины среднего возраста. Обе толстушки, обе одинаково повязанные цветными платками. Тоже ехали, как я поняла, на какое-то свидание.

– И что я ему скажу? – говорила одна. – Он жил во Франции. Там же музеи, музыка... А что случилось тут со мной, училкой в сельской школе?!

– Не скажи, – возражала другая. – Да ты оглянись на себя, молодую-то. Да-а, вспомни училище... А поездку на Сахалин?! Сколько ты там отработала? Все-таки хорошо, что тогда не сами мы выбирали, где работать...

– Ага, – перебила ее первая тетенька – пошлют тебя в такую тьмутаракань, что за голову схватишься!

И обе сочно расхохотались.

– Не-ет, а теперешняя?... Училка в сельской школе!... Да ну тебя! Ты вспомни, каких ребят сумели воспитать-вырастить...

Они начали вспоминать имена, события. Прямо живое кружево плетут, подумалось мне. Утомившись, вторая упрямо и как-то грустно сказала:

– Нет, ты оглянись-ка, оглянись на свою жизнь!...

Этот их разговор почему-то запомнился. Запомнился и пригодился потом в работе. Журналистом ездила по стране. Мне нравилось писать о людях. И разговоры с ними, совсем разными, непохожими друг на друга, я начинала с предложения: оглянитесь-ка на свою жизнь. И всегда находились у них интересные события, интересные встречи.

Потом прекратились поездки, выросли дети, и пришло время сказать самой себе: «Оглянись, оглянись-ка на свою жизнь, богатую друзьями и встречами. Встречами короткими, пролетевшими мимо, как птица. Долгими, идущими рядом на протяжении всей жизни». Собранные вместе, эти истории стали похожи на своеобразный дневник... не только моей жизни, но пути моего поколения из века прошлого в век нынешний, пути пестрого, как лоскутное одеяло...

Голоса

Голоса времени 1941—1942 годов

Первая история, конечно, о маме: вот она сидит за столом, низко склонив голову. Что-то поблескивает у нее в руках. Иногда она оборачивается ко мне, и я вижу в одном ее глазу трубочку. Гораздо позже узнала, что трубочка называется лупой. Мама смотрит в нее на маленькие часики, где крутятся колесики. Только однажды мне удалось их увидеть, потому что обычно мама все часы и инструменты прятала от меня в маленький чемоданчик. А чемоданчик ставила на высокий шкаф.

Мама моя была часовым мастером. Часы и часики ремонтировала дома, что было тогда, конечно же, запрещено. Это стало гораздо поздним моим пониманием. А тогда в доме всегда стояла тишина. Словно нас тут и не было.

К полутора, наверное, годам у меня проснулась речь. Мама, копаясь в часах, отвечала на мои бормотания и вопросы:

– Убери голос!

И складывала в мою кроватку игрушки, тряпочки от своих шитейных дел, чтобы мне было чем играть. Повзрослев, я узнала еще, что она превосходная портниха-модельерша. А тогда в кроватке, стараясь бормотать тихонько, возилась со своим богатством. Наконец, мама поднималась из-за стола и объявляла:

– Время! Давай голос!

И вынимала меня из кровати. До тех пор, пока я не научилась выбираться из нее сама. Сетки тех лет были плетены из веревки. Оказалось, что можно вылезти снизу. Спустя много лет моя годовалая дочка повторила этот трюк. И я испуганно металась по комнате, пока не догадалась заглянуть в сетку, съехавшую вниз между кроваткой и стеной. А в мой годовалый возраст я и мои игрушки перекочевали в отведенный мне уголок комнаты. Неизменным остался только ритуал: мама встает из-за стола и объявляет: «Время!»

Это означало: обед или прогулка. Особенно мне нравился ее возглас, когда за окном вечерело и в комнату входил отец. Он входил громкий и веселый. И тотчас начинал что-то рассказывать. Мне нравилось все, что он рассказывал, хоть ничего не понимала. Но это было не важно. Важен был голос. Громкий и веселый. В ответ я смеялась. Смеяться тоже можно было громко.

– Ну и голоса! – недовольно ворчала мама. Она любила тишину.

Конечно, все это я знаю по рассказам родителей. Но «Время и Голос» жили во мне как живые существа. И означали свободу и – непременно – какую-нибудь историю.

С тех пор, услышав чей-либо Голос, я понимала – настало Время интересной Истории.

Взрослела. Голосами, то есть историями становилась моя жизнь, жизни окружающих меня людей. И с каждым годом их становилось все больше.

Повзрослела. И мои детские истории стали обрастать Отголосками – осмысленным повторением, в которое непременно вплетались мои понимания и домыслы. Без этого не получалось. Когда я стала их записывать, вдруг обнаружила, что мои Отголоски гораздо больше моих Голосов. Как когда-то эхо в моих юношеских горах откликалось громче крика.

Истории 1942—1943 годов

Когда я уже саму себя и свое бытие осознавала

На заре туманной...

Мне, наверное, где-то около трех лет. Иду по мягкой дороге, мимо зеленой стены из травы и деревьев. В траве много цветов и все кланяются мне, а я кланяюсь им. Впереди идут мама и папа. Они никому не кланяются. Они торопятся. И все время оборачиваются – иди же быстрее! Но я иду медленно – из-за деревьев кто-то машет ладошкой. Надо же махнуть в ответ.

Но главное – то и дело посматриваю на блестящие новые туфельки и стараюсь наступать только на траву. Стоит шагнуть на пыльную дорогу, как туфельки становятся серыми. Останавливаюсь, приседаю и вытираю их подолом белого-белого платья, чтоб опять заблестели. Блестят, я радуюсь...

Это единственное воспоминание о Спасске-Дальнем. Все детские годы потом город издали казался волшебным, всегда летним, и когда дожила до «Алых парусов» Александра Грина, все во мне всколыхнулось: я знаю, знаю – Зурбаган – это мой Спасск...

Каким-то образом в памяти с «Алыми парусами» сплелось и сияние новых туфелек. Это – «чтоб блестели» – сопровождает меня всю жизнь. С высоты прожитых лет не могу сказать, что радуюсь этому.хлопотно. Принимаю, как данность, или крест, и, посмеиваясь над собой, испытываю ту же детскую радость, когда все под моими руками блестит, хрустит и все красиво.

Жалею – не помню ни Спасска-Дальнего, ни потом городка Рубцовска, куда перевели отца. По книгам о путешествиях, о растениях знаю – места там красоты небывалой. Меня всегда тянуло туда... Может, зов очарованного младенчества?

Истории 1943—1944 годов

Отца переводят в Рубцовск.

– Почему переводят? – спрашивает мама.

– И здесь понадобились хорошие штурмана.

Во мне, ловившей тогда все новые слова и звуки, до сих пор так и осталось – штурмана. Не штурманы.

Отец иногда болеет. На войне с японцами над озером Халхин-Гол ему прострелили легкое. Навылет, так сказала мама. Даже несколько лет спустя не могла отделаться от картины: летит пуля, как оса, пролетает сквозь тело и летит дальше. И пыталась найти дырку на его спине, откуда пуля вылетела, или на груди, куда влетала... От ранения у отца образовался туберкулез, и его перевели из действующей армии в училище – преподавать штурманское дело.

В Рубцовске было много арыков. По рассказам мамы, я обожала воду. И меня из тех арыков то и дело вылавливали. Не помню, чтобы пугалась, прыгнув в воду, но зато помню саму воду – прозрачную, всю в солнечных «побегушках». Наверное, за ними и ныряла – вода была живая, она меня гладила и смеялась вместе со мной...

А однажды ездили во Владивосток... Города не помню вовсе. Какие-то отдельные стены, крыши и вдруг – край земли! Белое кружево пены под ногами, белое кружево пены над головой. Все качается, плавно перетекает снизу вверх, сверху вниз... Вокруг говорят: «На рейде! Посмотрите – на рейде!» Меня разворачивают, и не могу понять – прямо за краем земли все в тех же серо-голубых кружевах пены и облаков летят? плывут? корабли. Меня спрашивали потом: тебе понравилось море? Мне понравился край земли! Когда обижалась, обещала – вот раскину руки и улечу туда, где «на рейде»...

Потом еще долго, стоило только закрыть глаза, серо-бело-голубое крутилось перед глазами, перемешивалось, опрокидывалось небо в море, море в небо – распахивалось, звало к себе... Много позднее это отозвалось совершенно неожиданным образом.

Истории 1944—1945 годов

Совсем осмысленные события из Переславля-Залесского

К моим пяти годам оказались мы в Переславле-Залесском. Настолько яркая и насыщенная развернулась здесь жизнь, что запомнилась длинной, а прожили мы там всего-то год. Дом на окраине города, около огромного старого заросшего сада. Мы, стайка четырех-шестилетних малявок из «училищного» дома, играем у дровяных сараев, стайкой лазаем в развалинах давно заброшенного домишки и стайкой же ходим к старому саду. Затейливый забор только считается оградой – выломанные прутья образуют дыры, вполне для нас достаточные. Входим и тихо, держась друг друга, идем по краю, вдоль забора. В одиночку никто бы не пошел, страшновато – сад как будто спит. В темной глубине среди деревьев стоит старый, одноэтажный дом облуплено-желтого цвета. Он тоже спит. Только однажды мы увидели, как открылась дверь, вышли две старухи в серых балахонах и стали что-то собирать на огромной клумбе-холме перед домом. Старухи заметили нас и исчезли. Не ушли в дом, а именно исчезли – растворились в воздухе...

Наверное, они вовсе не старушки, а заколдованные принцессы. Они ждут принца, который придет, поцелует их, и чары спадут... Может быть и я – вовсе не я, а одна их тех двух старушек? Не-ет, я бы не собирала, как они, какие-то дурацкие листья, а искала бы алый цветочек... Сажу на опушке сада, а кажется, «брожу» по парку, «ищу» среди деревьев цветков.

Он совсем не похож на розы, которые растут во дворе папиного училища. Этот цветок... Вдруг девчонки обливают меня водой, шепча: «Вода из страшного колодца!» – и тут же хохочут – «спящая красавица»...

Мы бежим в конец сада, далеко обегая «колодец». Что он – колодец, узнали не сразу. Стоит себе маленький домик, похожий на башенку. Был, наверное, затейливый, но к нашему времени деревянная крыша заросла зеленым мхом, резные кружева понизу отвалились, остались кое-где лишь кусочки. Но однажды мальчишки открыли дверь... Какая сила уберегла не шагнуть внутрь?... Вместо пола сразу от стен стояла черная вода. Самый старший из нас бросил в воду камень, но стука о дно мы так и не услышали. Бездонный – решил бросивший и плотно закрыл дверь. Потому мы и боялись даже рядом проходить.

Сад обрывался в низину болот: коричнево-зеленое царство с редкими кустиками и чахлыми деревцами напоминало шахматную доску отца. Полоски травы разделяли пространство на неровные клетки.

Мы ходили бросать в коричневый густой «кисель» камни и палки. Бросишь камень – в середине гладкого пятка вздувается пузырь и, спустя несколько минут, лопается с тихим шелестом. Немного прижмурившись, видишь, как из лопнувшего пузыря показывается косматая голова водяного. Палка же начинала кружиться, под ней образовывалась воронка, куда палка и проваливалась. К коричневой жиже пробирались по зеленым тропкам, утопая порой в мокрой траве по пояс. Казалось, что снизу тебя хватает и тащит к себе кикимора. Не зря вокруг раскиданы ее спутанные зеленые космы...

Маме я никогда не рассказывала о тех клетчатых болотах – на сопереживание надеяться нечего, а очередной взбучки точно не миновать...

Помню, как весной прямо под нашими окнами бежал звонкий ручей. И в нем – распластаный лягушонок. Он же замороженный! Грею его в ладонях. И он – оживает! Меня совсем не боится, таращит золотые глаза, упершись в ладонь крошечными пальчиками, похожими на мои... «Брось! Противный!» – велит мама. «Не брошу! Он красивый...» Нахожу сухой пригорочек и сажаю храбреца на листок. Пусть его погреем солнышко!

Зима-зимища. Снег засыпал дом по самые окна. Холодно. Мама собирается идти в сарай за дровами. Запахивает пальто... Меня вдруг, впервые в жизни, охватывает страшная тоска и дикий страх – остаться в комнате – одной! «Мама, мамочка! Не оставляй меня!» Она сначала терпеливо уговаривает. Потом сердится. Цепляюсь за нее, реву и трясусь от страха. Страх этот помнила долгие годы. Мама сдается – закутывает меня в большую шаль: «Черт с тобой, обуза, замерзай!» Иду за ней. Метель сшибает с ног. Вот он, сарай. Тоже беру полено – я не обуза.

Мое полено ныряет в печь вместе с остальными, и скоро огонь весело пляшет за дверцей. В кривую щель все отлично видно. Мама сидит у стола с лупой в глазу – чинит очередные часы. Знакомые говорят про нее – хороший часовой мастер. Уважая таинственную работу, сижу у печи на полу, тихо-тихо переговариваясь с огнем... Рассказываю, какая выюга на улице, как ветер закручивает снег в спирали. Скрутившись, они тотчас разворачиваются, как мамин веер, или вытягиваются в длинные лохматые перья, как на шляпе у тети с картинки... Может, это крутится подол платья Снежной королевы?... Меня охватывает озноб, потому что я еще и девочка Герда. Незримым двойником иду с ней сквозь пургу. Если она не спасет Кая, если не помогу ей... Поможешь-поможешь, обещает язычок пламени, высунувшись в щель. Он знает про счастливый конец. Кай ждет ее, сам еще не догадываясь об этом. Счастливый, счастливый... и засыпаю, привалившись к ножке стула.

Там же, в Переславле, у меня появился братик. Такой крошечный. Такой хорошенький. Смотрю на него из угла комнаты – мне не разрешают подойти ближе.

Ему было всего два месяца, когда он вдруг заболел двухсторонним воспалением легких, потом его вдруг положили на стол. Зачем? Он же упадет! Мне никто ничего не объясняет. Но я чувствую – происходит что-то невероятное. Меня отправляют к соседке, и она говорит: «Ваш мальчик умер». Что такое «умер»?

Печали не помню. Запомнилось огромное зеленое поле в холмиках. Плохо понимаю, зачем сюда пришли? И почему Боренька в такой странной кровати? Почему все время молчит?

Почему стоим у кучи черной земли? За кучей яма, к которой не пускают... И вдруг молнией пронзает понимание – это же могила! Как темное пятно всплывает из глубины сознания – кто-то же рассказывал, как хоронят... Ах, вот что происходит... «Кроватку» малыша отец и кто-то из его друзей опускают в яму...

Уходим... Папа берет меня за руку, мама идет впереди одна. А если бы она взяла на руки мальчика, может быть, он бы не умер? Все время оглядываюсь и вижу сзади только зеленые холмики. Ни деревца, ни кустика. Как одиноко этим холмикам! Мне их нестерпимо жалко...

Мальчик Боренька был, очевидно, какой-то тайной надеждой мамы. Со мной, уже большой – раз есть еще маленький, она мало разговаривала, а вот над ним ворковала-ворковала... Мне не обидно, у меня для разговоров папа, вот ему можно рассказать даже про болото, но чуть-чуть, чтоб не испугать. Он не ругался, просто серьезно уговаривал подходить только к краю, не дальше...

После смерти Бореньки мама уехала, оставив меня с папой.

Первое мая. Мы с отцом завтракаем, и вдруг он говорит: «Что же это такое, Томка! Праздник, а мы не отмечаем!» И наливает себе в рюмку вина, мне – в воду несколько красных капель. Вода в рюмке красиво розовеет. Помню – отец и в компаниях-то не больно пил, а уж один и вовсе. А тут праздник и есть я. Знаете, как это важно – в пять лет оказаться компанией.

Потом мы гуляли по городу. Иду и думаю, что должна качаться – ведь вино пила! Подходим к какой-то высокой красивой решетке. За нею старинное двухэтажное белое здание. Когда-то в нем помещалось Городское собрание, это я узнала позднее, а тогда здание было не интересно. Зато перед ним, сразу за ажурной решеткой забора, увидела много людей в одинаковых серо-зеленых одеждах с котелками в руках. Они что-то ели из котелков и смеялись. Я сказала папе: «Смотри, какая большая, веселая компания!» Папа почему-то не согласился: «Это очень

грустная компания». Что-то было в его голосе такое, что я поняла – дело не в компании, дело в чем-то другом, действительно, грустном. А серо-зеленые люди за решеткой смеялись. Один из них протягивал к решетке конфету в ярком фантике и знаками подзывал к себе. Оглянулась – я единственный ребенок среди взрослых. Подзывали, стало быть, меня... И хотя папа крепко держал за руку, серо-зеленая толпа стала расплываться в глазах. Кто-то сзади сказал: «Зоопарк...»

Мы быстро пошли дальше, а «зоопарк» не выходил у меня из головы несколько лет. Классу к четвертому поняла – там смеялись пленные немцы. И было это в сорок пятом году.

И еще одно необычайное происшествие случилось в том же Переславле. В огромном окне какого-то дома стояла большая сухая ветка, вернее, кусок дерева. У подножия его было нечто вроде большого гнезда. Однажды, проходя мимо, мы заметили, что гнездо шевелится. Остановились. Из гнезда показалась маленькая лысая головка с оттопыренными ушами. Через мгновение выскочило и все существо. Было оно не больше котенка с длинными руками и ногами. Повернулось к нам шерстяной спиной, и мы увидели еще и длинный, совсем не пушистый хвост. Значит, не кошка. Существо принялось бегать и прыгать с ветки на ветку с невероятной скоростью. Поворачиваясь к нам, существо корчило рожицы и скалило зубы. Кто-то из ребят сказал, что это черт. Из глубины комнаты к окну подошел мужчина, поднял руку ладонью вверх, и существо тотчас прыгнуло на эту ладонь. Мужчина протянул какое-то угощение, существо взяло его, зажало длинными, тонкими пальчиками, и я вспомнила своего прекрасного лягушонка. Потом мужчина увидел нас за окном, что-то сказал существу. И оно, быстро засунув угощение за щеку, принялось выделывать, стоя на его ладони, всякие цирковые номера. Было очень смешно и немного грустно. Мой лягушонок уже где-то квакает со своими друзьями, а «этот»... Не зная, как назвать крошечного циркача, стала думать – где же ему найти сухой пригорочек...

Дом стоял на пересечении двух улиц, и мы решили заглянуть в окно и с другой стороны здания. На окне стояла большая птичья клетка. В детстве мне нравились даже гусеницы и я не боялась брать их в руки. Сейчас боюсь – они мягкие... Дети, как правило, не испытывают неприязни к любому живому существу. У них еще живо врожденное чувство клеточного братства. Спустя много лет мои маленькие дочки делали постельки для дождевых червей... А взрослые, это братство из них выгоняют своими «Фу!» и в том же духе. Когда начала писать истории про животных, вспомнила переславское существо, раскрыла энциклопедию и нашла – это была маленькая обезьянка из семейства игрунковых. А у той, в окне, такие грустные глаза были... Грустные всегда останавливают, хочется погладить по головке обладателя их...

Глаза попугая Жако из клетки на другом окне, очевидно того же хозяина, рассмотреть не удалось. Его с таким веселым и боевым характером надо было только слушать. Как приказ во мне вспыхнуло мамино вечное «Голос». И попугай старался всюю...

Истории 1945—1946 годов

Снегирь

Мы прожили в Переславле-Залесском до следующей весны. Именно там случилась моя первая настоящая елка. Отец принес ее из лесу. Огромную, до самого потолка. Пушистая, длиннолапая, она заняла половину большой пустой комнаты. Игрушки мама делала сама, она вообще была большая рукодельница – сшить, вышить, слепить – умела все. Мы еще с ней потом, уже в Муроме, штукатурили стены дома, шпаклевали, красили. Но к тому времени я уже сама была немножко дока – после работы в бригаде каменщиков. А в свои пять с половиной лет умела только подавать то ножницы, то нитки, то клей. А уж она мастерила! «Руки у тебя, Люба, золотые», – восхищалась соседка, заглядывая в комнату. «Мам, я тоже хочу золотые ручки!»

Мама усмехнулась: «Попробуй!» Дала ворох нарезанных полосочек бумаги, клей и показала, как клеить цепи. До сих пор помню, как старалась. Цепь вышла неплохая: сначала все синие, потом красные колечки, а дальше вперемежку. Меня похвалили все, кроме мамы: «Вот ведь упрямая. И тут ей надо по-своему сделать!» Но все-таки позволила клеить и другие игрушки, строго поглядывая со своего «трона».

Мы развешивали шуршащую бумажную гирлянду, как вдруг из гущи ветвей вышла живая птица... Грудка ярко-красная, как бочок у яблока, которое только что повесили на ветку. Птица ступала осторожно, медленно и бесстрашно. Словно на все махнула крылом, мол, где наша не пропадала! Так мне тогда показалось. Потом как-то вдруг бессильно присела, блестящий глазок закрылся... «Да она голодная!» – спохватывается мама, берет птицу в руки, сажает на пол около печки, ставит блюдечко с клюквой. Птичка сначала просто тыкается клювом в блюдце и вдруг соображает, что перед ней еда. Цок! Ягода лопается, красные брызги летят во все стороны. Скоро вся белая печка стала в красную крапинку... А мы стоим не шелохнувшись. Я чувствую – происходит что-то особенное, чему и названия нет.

Снегирь наелся, вспорхнул и снова спрятался среди ветвей.

На улице было так холодно, что решили снегиря поддержать дома. Каждое утро мама ставила к печке блюдечко с ягодами и семечками, снегирь тотчас сбегал по какой-нибудь из веток, легко планировал вниз, и начиналась «покраска» стен.

Я теперь спокойно оставалась дома. Не одна же, а со снегирем! Рассказывала ему истории – и правдашные, и неправдашные. Он слушал, поглядывая то левым, то правым глазом. Иногда вдруг срывался с ветки, делал пару кругов по комнате, потом устраивался поближе к вершине и пел! Наверное, рассказывал что-то в свою очередь...

Прожил он у нас до весны. Привык так, что совсем перестал бояться. Мы садились за стол, и снегирь тотчас шлепался на край, где теперь стояло его блюдечко. «Ну, коллега, – говаривал отец, – надо тебе набраться силенок. Впереди полет. Дело трудное. По себе знаю». И выкладывал на блюдечко крошечные кусочки творога или сыра. Сыр снегирю нравился больше.

Чуть потеплело, родители стали открывать сначала форточку, потом окно, но снегирь упорно не желал покидать елку... Она так и стояла зеленая и почти не осыпалась... Сговорились, догадывалась я.

За окном воробьи уже всю горланили и устраивали веселые весенние потасовки, уже почти стоял снег в палисаднике... Мама принесла несколько веточек вербы в пушистых серебристых шариках. По комнате поплыл терпкий, пряный дух...

Из глубины елки степенно вышел наш снегирь, перелетел на раму открытой форточки, посидел минутку, потом расправил крылышки и, не оглядываясь, взмыл в небо.

Отец несколько дней все примерялся вынести елку и отходил, оправдываясь: «Комната без нее совсем опустеет!» А потом поднялась суэта-суматоха – отца переводили в новое училище.

Снегирь, как всякие живые существа, встретившиеся на пути, сильно укрепил во мне братское чувство ко всему живому, что растет, шелестит, двигается, поет разными голосами... Помню – с тех лет, где бы ни оказывалась, глаза непременно отыскивали травку ли, птицу ли, бродячую собаку... Наверное, нас просто притягивает друг к другу.

Истории 1946 года

Лето. Енакиево

Времени до отъезда в Енакиево было в обрез. Все суетились, я тоже. И почему-то то и дело попадала кому-то под ноги.

«Будешь плохо себя вести, – предупреждает мама, – оставим тут одну». И, чтобы не мешалась, меня укладывают спать. Днем. Просыпаюсь. Тишина. Никого. Выхожу из спальни – чемоданов нет. Дверь из квартиры заперта. Все, понимаю, оставили! Может, смогу догнать и пообещать, что никогда-никогда...

Хватаю табуретку и выбиваю окно. Мы живем на первом этаже. Собираюсь выпрыгнуть и слышу, как соседка кричит: «Люба, Томка у тебя окно разбила!»

Вбегает мать, белая. Через час на поезд, а я, дрянь этакая... «Но вы же меня оставили!» – рыдаю я. «Тебя оставишь!» – кричит мать и бежит искать стекольщика, повелев сидеть на чемодане. Оказалось, его просто поставили за дверь. Но меня она все же оставит спустя несколько лет.

На чемодане сидеть было неудобно. Но надо. Родители меня все-таки с собой взяли.

Первый раз еду на поезде. И все говорят – смотри в окно, запоминай. За окном качаются проплывающие мимо дома, леса, встречные поезда, а внутри качаются полки, качается пол, качаюсь я... Приехали. На вокзальной площади пыль и грязь, на улицах – пыль и грязь, жухлая трава, бурьян вдоль заборов, невысокие беленые мазанки и голубые ставни на окнах, и мама говорит папе: «Вот и твое захудалое Енакиево Сталинской области». Так мне навсегда и запомнилось. Не знаю, какое оно теперь, а тогда даже мне, маленькой, бросилась в глаза унылость городка.

У калитки встречает бабушка – круглая, с торчащими во все стороны тесемками от фартука, от блузки. На голове – стожок седых спутанных волос... Оказывается, не помню ни голоса, ни имени!

Бабушка, не скрывая, не любила невестку. И меня в придачу. Зато вечером пришел младший брат отца Гриша с женой Катей. Оба оказались веселыми и шумно нам радовались. С ними мы и общались.

Вскоро соседка привела мальчика моего возраста – внука Петьку. Мы оба прямо-таки прицепились друг к другу. Как я теперь хорошо понимаю, детям непременно нужна компания. И сразу же принялись бегать по садам, рвать без спросу вишни. «Сейчас побежим в степь!» – сказал Петька однажды.

Он знал все тропинки между усадьбами, все дыры в заборах. Мы беспрепятственно оказывались в чужих садах. Наконец попали в степь. Мне показалась, что жизнь человеческая тут заканчивалась. За густо-зеленой полосой, куда ни глянь – ни деревца, ни кустика – серая земля с серыми островерхими горками на горизонте. Но перед серой необъятностью и нами кто-то набросал замечательно-полосатых зеленых мячей. Тут и там виднелись они среди зеленых больших, как лопухи, листьев.

«Мячи!» – изумилась и обрадовалась я. «Дура, – уверенно сказал Петька. – Арбузов, что ли, не видела! Это же бахча!»

Арбузов я раньше не видела. Это правда.

Петька огляделся – вокруг ни души. «Сейчас наворуем арбузов!» – мечтательно сказал он.

Из-за крайнего дома, звонко цокая по сухой земле копытами, вышла лошадь. Прошла мимо, решительно размахивая хвостом. Подошла к арбузам, понюхала, зачем-то послу-

шала, наклонив ухо к арбузу. Прошла к другому, опять понюхала-послушала и вдруг ударила по арбузу копытом. Арбуз развалился на две части, брызнули в стороны ярко-красные ошметки, и лошадь принялась аккуратно выгрызать середину. Мы с Петькой просто остолбенели. А лошадь, тихонько поржав, видимо от удовольствия, направилась к следующему арбузу... Когда она расколола третий арбуз, Петька рванул к знакомой дыре: «Еще свалят на нас!» Не очень разбирая дороги, оцарапавшись и ожегшись крапивой, очутились в Петькином дворе. «Ну, ладно, – сказал мечтательно Петька, – тогда мы сейчас петуха разломаем!». – «Зачем?». – «А чтоб узнать, что у него внутри». Он исчез и вернулся с большим, ярко раскрашенным петухом. «Полезли на вашу крышу!» Крыша бабушкиного дома низкая с одного края, мы легко взобрались, и Петька принялся ломать петуха. «Держи! Держи! – командовал он, отдавая кусок за куском. И когда от петуха (как я поняла, повзрослев, сделанного из папье-маше) остался только хвост, Петька недовольно хмыкнул – «Ничего!»... И вдруг во весь голос заорал: «Бабушка, а Томка нашего петуха разломала!»

Тотчас прибежала его бабушка, заглянула на крышу, а я сижу, держа в подоле петушиные обломки... Попало мне от всех поочередно.

«Битая?» – увидев мое зареванное лицо, спросил дядя Гриша. Куча обломков петуха горкой лежала у моих ног. «Ага! Петькин петух», – все понял мой дядя. «Жорка!» – позвал он отца. И они принялись собирать и склеивать. Петух постепенно обретал нормальные очертания, а я мечтала о том, как мой (теперь!) петух расклинит крылья и мы полетим с ним в неведомые страны, где нет Петек, а живут люди с петушиными хвостами и крыльями. Добрые, веселые люди.

Так впервые столкнулась с неприкрытой и необъяснимой подлостью. И навсегда запомнила Петьку. Сначала опасалась всех мальчишек, пока не поняла – подлость не имеет ни пола, ни возраста...

Острота обиды на Петьку скоро забылась, но остался осколочек недоверия. Он где-то шебуршится: я здесь! Будь настороже! И упрямо сопровождал меня во втором путешествии в то же Енакиево. Я окончила школу, и отец подарил мне билет туда и обратно погостить у енакиевской бабушки.

Все та же мазанка, и та же на пороге совсем не изменившаяся бабушка с копной спутанных седых волос. Бабушка заглянула за калитку, убедившись, что я одна, вдруг широко улыбнулась. Тоже не изменившийся дядя Гриша взял за руку, как маленькую девочку и повел в дом. На комодѣ стоял... петух.

Не часто выпадало мне так хохотать весь вечер. Но уж если и бабушка весело смеялась, стало быть, – есть от чего!

Вдоль забора росли те же, что и в первый детский приезд, невысокие сизые деревья.

Они поразили меня еще тогда, усыпанные странными плодами – косточками, обтянутыми кожей. Кожица поблескивала серебристой пылью. От плодов во рту шершавилось, язык не ворочался, но все равно они мне очень нравились! Звали их там маслинами. Став старше, узнала, что на самом деле эти серебристые деревья называются – лох узколистный. И с тех пор родилось особое удовольствие – запоминать названия встреченных растений. Искала названия в разных книжках, позднее – ботанических справочниках. Испытывала прямо-таки счастье, соединив название и с рисунком, и с самим растением. Так и до сих пор – нет покоя, пока не узнаю имя травы.

История 1947—1948 годов

Быково

После Енакиево мы сразу приехали в подмосковное Быково. Это был не город. Но запомнился всеми своими деталями. Поначалу я там была единственным ребенком. И мне ничего другого не оставалось, как придумывать себе жизнь. А придумывать можно было, только оглядываясь на все то, что окружало меня. Окружала жизнь в траве среди молчащих неподвижных самолетов. Я их оживляла, они разговаривали со мной, с травами и с редкими кустами, там и сям выскочившими из травы. С тех пор я все время что-нибудь выдумываю и оживляю. Мне это нравится.

Плыли в траве самолеты...

За окнами комнаты – огромное летное поле, на котором самолеты, самолеты, самолеты, как грибы на поле. Но поле все-таки было странное – тихое, безлюдное, заросшее высокой травой. Кажется, что небольшие самолетики не стоят, спрятав в траве колеса, а плывут по ней, как гуси-лебеди. Трава начинается сразу за домом. Густая, прямо-таки непроходимая. Пробраться к самолетам надо было вдоль края спящего поля.

Главная же, утоптанная широкая дорога на поле одна – от нового корпуса училища к двум ближайшим к нему самолетам. Но от нас она далеко – на другом краю окрестных земель. Около тех двух самолетов крутятся с утра курсанты и механики. Среди них выделяется крупная фигура механика дяди Хфедора, как зовет его отец. Я сижу в траве под самолетом, к которому никто не ходит, и уверена, что никому не видна. Но тут дядя Хфедор поднимает руку над головой и манит к себе, прикладывая палец к губам. Я, обрадовавшись, бегу к нему по траве, как по воде, разгребая ее руками... Это у нас с ним игра такая. Но вдруг он вскидывает вверх обе руки, поворачивая их ко мне ладонями – стоп! Тотчас распластываюсь на земле и вижу, что от училища к самолетам идет самый большой, наверное, начальник, а за ним толпа дядей поменьше, как свита за царем Салтаном. Вспыхивают золотые звездочки на погонах и пуговицах. Осмотрели самолет, полюбовались, как курсанты лихо запрыгивают на крыло, ныряют внутрь... как потом выстраиваются, вытянувшись в струнку. Отец что-то докладывает большому начальнику, а дядя Хфедор вертит головой, высматривая меня. Но я уже тертый калач – уползаю в куст за самый крайний самолет, скатываюсь в ямку под ним, снимаю красную шапочку, запихиваю в карман, обламываю ветки и накрываюсь ими. А вся сверкающая группа с курсантами идет по шуршащей траве, останавливаясь около каждого самолета. Вот-вот доберутся до меня... Вдруг курсанты, по знаку дяди Хфедора, выстраиваются между самолетами и кустом, под которым лежу я. Большой начальник и все за ним остановились и долго о чем-то говорили с отцом. Дядя Хфедор все вертел головой, и я боялась – отвалится же... Голоса, голоса... что за история – непонятно. Не заметила, как уснула. Проснулась от дождевых капель, упавших на лицо. Вылезла из ямки, встала, надела красную шапку. «Томка!» – раздался вопль дяди Хфедора. Вижу – они с отцом бегут ко мне, тормозят, тискают, подкидывают: «Ну, молодец! Ну, напугала!» «Я тебе говорил – не бойсь, не подведет! Что я зря про войну ей рассказывал...» – говорил, крепко держа меня за руку отец.

Больше на поле никаких комиссий не объявлялось. Зато в нашем бараке появились еще трое ребят – моих одногодков. Мы спокойно собираем под самолетами крупные, крепкие шампиньоны. А у тех двух, ближайших к училищу, самолетов идет прежняя жизнь...

Быково располагалось близко к Москве, и меня повезли смотреть парад на Красной площади. Наступил вечер, и в небе стали летать ярко-красные, зеленые, синие огни, красиво рассыпаясь над головой. Но самыми красивыми и загадочными показались длинные полосы света. Они тянулись в небо, перекрещивались, заглядывали за каждую звезду, потом, опускаясь, за каждое дерево – проверяли, не надо ли кому подсветить свысока. Их уверенные, медленные движения в небе порождали во мне торжественное спокойствие.

Отцовская уверенная похвала – «Не подведет» – застряла в памяти. Мы с отцом давно договорились говорить друг другу все как было. А уж если что-то обещал, то... «по-штурмански». Вера отца в меня была радостью и держала меня с ним на равных. То есть в этом смысле я тоже была «взрослая».

Истории 1947—1948 годов

Таганрогская собака и непонятная старуха

В Быково мы прожили совсем немного, тем же летом училище перевели в Таганрог. Нас поселили в большом частном доме, выделив небольшую комнату окнами в старый сад. В двух других комнатах жила еще семья – летчик, его жена – с белой косой вокруг головы, мой ровесник Борька и трехлетняя пухлая Наташка. Она в доме – королева. Потому что ее любит хозяйская собака – крупная светло-серая немецкая овчарка, к которой все относились с почтением. Она не просто собака, а премия хозяйскому сыну-пограничнику за хорошую службу.

Утро. Из детской вытопывает Наташка. Увидев малышку, собака начинает весело колотить хвостом, радостно повизгивать. Потом непременно лизнет Наташку в щеку и ляжет на ее башмачки. Днем собака ходит рядом, зорко поглядывая вокруг. Даже крикливой матери не позволяет повышать голос на девочку – тотчас показывает клыки. Собака была рослая – золотые Наташкины кудряшки сияли вровень с холкой сторожа. Взрослые смеялись, а мы с Борькой подвигались к Наташке поближе. Бывало, и нашим носам доставался шершавый «полизуй». Мамы, уходя на базар, оставляли дом незапертым.

Однажды в летний день пришли ко двору шумные цыганки: «Позови маму!» «Мамы нет», – отвечаем хором. «Нет?» Они смело входят в дом и начинают складывать в большую с кистями скатерть статуэтки, чашки... наверное, и что-то более существенное – не помню. А статуэтки – помнятся. Соседи наши несколько лет жили в Германии – оттуда статуэтки и всякие флакончики, к которым мама Борьки и Наташки нам строго приказала не прикасаться. Мы кричим: «Нельзя трогать!» Цыганки смеются. Завязывают скатерть узлом и выходят на крыльцо. Спускаются со ступенек... Поперек калитки лежит наша собака. Цыганки шаг – собака рычит утробно, басом, показывая огромные клыки... Они и так и сяк, кидают ей хлеб, собака на подношения ноль внимания, не дает им даже шевельнуться.

Цыганки уже бросили узел, уже за нашим забором собрался табор. На шум и гам прибежали дети и взрослые из соседних домов. Наконец, пришли наши мамы, а тут представление – и пляски, и плачи. Горластая, не хуже цыганок, мама Борьки и Наташки прокричала все ругательства, какие знала.

Уже по обе стороны забора устали все – и табор, и соседи. А две цыганки, еле живые, стоят как статуи. И шевельнуться не могут. Чуть вздохнут погромче, шерсть на загривке овчарки встает дыбом. Там, на улице, давно кончились пляски, соседи уже начали приносить злосчастному табору хлеб... Полтабора уже спит тут же под забором. Мамы просят овчарку отпустить этих дур. Пришедшие к вечеру папы тоже пытаются вставить слово. Ничего не помогает. Обессиленные цыганки мешками висят на перилах крыльца.

Ночь. Наконец приходит с дежурства из госпиталя хозяйка. Обычно строгая и неразговорчивая, а тут улыбнулась собаке: «Молодец!» И, повернувшись к мамам: «Свой долг знает!» Потом табору: «Чтоб духу вашего здесь не было!»

Нас, полусонных, отправили спать.

Так поняла-почувствовала, что собаки – существа разумные. Позднее, из наблюдений за собственными собаками, кошками, кроликами, множеством других животных, уверилась – есть у них разум, юмор, понимание – что хорошо, что плохо. Разумеется, не такое, как у людей, но есть. И память, и привязанность. С тех пор научно-популярные книги – мое любимое чтение.

Другая таганрогская история сотворила со мной что-то особенное, неподвластное моему тогдашнему пониманию. И пробудила во мне страсть ко всякого рода писанию.

Хозяйский сад был настолько запущенным, что все там росло, как само того хотело. И сад стал нашим с Борькой владением. Мы туда убегали от Наташки и становились совершенными разбойниками.

Однажды Борьку за какую-то провинность оставили сидеть в доме. Я бродила по саду одна. И вдруг увидела за дырявым забором в глубине соседнего сада старуху.

– Иди-ка ко мне! – поманила она меня. Я оглянулась в поисках калитки.

– А ты в дырку лезь, – посоветовала старуха.

Я пролезла. Этот сад был еще запущеннее – весь зарос колючей малиной и ежевикой, подойти к старухе можно было только по едва заметной тропинке. Да и то, стараясь не запутаться в низких корявых ветках деревьев.

– Ты откуда приехала? – строго спросила старуха.

– Из Переславля-Залесского, – испуганно ответила я.

– А... – сразу смягчившись, старуха вынула из кармана фартука листы бумаги и желтый карандаш. – А вот тебе и молитва. – Она протянула мне сначала листок, исчерченный ровными строчками, а потом листы чистые и карандаш. – Вот перепиши эту молитву на все листы, потом порви их и раскидай по дворам хороших людей.

– Ага, – согласилась я и тут же спохватилась, – только писать я еще не умею.

– А ты перерисуй, – предложила старуха.

И пока я внимательно рассматривала то, что держала в руках, старуха исчезла.

Как сквозь землю провалилась, испугалась я. И, крепко зажав все бумаги, вылезла в ту же дыру в свой сад.

Догадываясь, что получу взбучку и за дыру, и за листы, я спрятала их в каком-то ящике на ножках, стоявшем в углу «нашего» сада. Но бумажки никак не выходили из головы.

Я стала прятаться от Борьки, бежала к ящику, доставала бумаги и старательно перерисовывала знаки на чистые листы. К тому времени уже догадалась, что это были буквы. Начались они почему-то разновеликими и не всегда влезали на один лист, приходилось чертить продолжение буквы на следующем. Через несколько дней буквы стали слушаться. И наконец, мне удалось весь текст (гораздо позже я узнала, что *это* так называется) уместить на одном листе. Я пошла к соседнему саду искать странную старуху, чтоб показать ей написанное. Было немножко страшно. Дошла до старого, развалившегося дома. Дверь его была наполовину оторвана от дверного проема и висела поперек входа. Вдруг из-под двери выскочила собака. Не знаю, кто кого испугался больше... мигом выскочив в наш сад, задвинула дырку тем самым ящиком на ножках. А бумаги? Куда деть бумаги? Вспомнила повеление старухи и помчалась по улице, отрывая куски от каждого исписанного своего листа.

Улица была недлинная, и лист скоро кончился. Исписанными были не все листы, что дала мне старуха. И на оставшихся стала, прячась от всех, писать буквы. Для самой себя.

Вскоре отцу дали очередной отпуск и мы поехали к маминной маме в Муром. На дороге к центру города возвышался огромный храм. Темно-синие его купола-луковицы сверкали звездами. По белым стенам шел поясok из зеленых квадратиков. На каждом были выдавлены цветы, или львы, или какие-то лица. Ничего красивее я до сих пор не видела. И мне захотелось войти в узорчатую дверь.

– С ума сошла! – рассердилась почему-то мама. И я решила уговорить бабушку...

Бабушка в Бога не верила, у нее даже ни одной иконки не было. Но ее удивила моя просьба, и она согласилась:

– Только сначала надо найти, кто будет твоим крестным. Я подумаю.

Она думала несколько дней. И однажды сказала маме, что возьмет меня с собой в гости к знакомым.

Мы пришли к большому трехэтажному дому. Большая комната, куда нас привели, вся была уставлена полками с книгами. И я пошла их рассматривать, а о чем бабушка говорила с высоким седым стариком, мне было неинтересно.

Старик подошел ко мне, спросил, слышала ли я что-нибудь про Бога. Я тут же вспомнила таганрогскую старуху и листы с молитвой, исписанные мной желтым карандашом. Старику эта история понравилась.

Так у меня появился крестный – самый знаменитый в городе врач – Иван Иванович Беклемишев. Это я узнала, конечно, потом, как и... Впрочем, все по порядку.

На другой день бабушка опять собралась в гости. Никто не удивился, бабушка отличалась компанейским, веселым характером, немножко хитроватым, немножко пронырливым. Не зря фамилия у нее была – Жук.

– Ничему не удивляйся, – сказала бабушка. – И со всем соглашайся.

Мы подошли к тому самому красивому храму, куда мне давно хотелось войти. У фигурных каменных колонн нас ждал старик Беклемишев. Он погладил меня по голове. Так ласково меня еще никто не гладил, и я стала заранее согласна со всем, что он скажет.

Внутри храма меня все ошеломило, я разглядывала чудные картинки на стенах. Но тут откуда-то вышел другой старик в длинном расшитом халате, подвел нас с Беклемишевым к большому тазу на высокой ножке, стал говорить какие-то слова, а я повторяла за ним, стараясь попасть слово в слово.

– Надо бы младенцем, – вздохнул старик в халате.

– Видишь ли, батюшка, – оправдывался Беклемишев, – сама вдруг захотела. Ничего, шесть лет тоже еще младенец.

Старик зачерпнул из таза воды и, побормотав что-то надо мной, плеснул воду мне на голову. Я было дернулась, но вспомнила, что надо со всем соглашаться. И согласилась.

Мы вышли из храма, и Беклемишев повел нас в гости.

На этот раз вошли в другую комнату. У одной стены стояла большая кровать, заваленная книжками, игрушками. На кровати лежала девочка моих лет.

– Давай, давай ко мне! Лезь на кровать! – крикнула девочка. – Дед обещал мне подружку.

Так я стала подружкой Ланы. И все ее истории, описанные дальше, ничуть не выдуманные, а списанные в разное время с рассказов самой Ланы, ее сестры Тани и моей бабушки Екатерины Жук. Она, оказывается, давно пригласовывала с Головиными и Беклемишевыми.

Дружба с Ланой оказалась... подарком. Возвращаться в Таганрог не хотелось категорически. Но Лана уверенно сказала:

– Я знаю, ты скоро вернешься. А пока там, в своих степях, пиши разные истории. И я буду писать. Потом сверимся...

Истории 1947—1948 годов

Таганрог – Муром

Мы вернулись в Таганрог. В школу меня не приняли – к первому сентября мне еще не исполнилось семь лет. Пришлось ждать до следующего сентября. Мама была в отчаянии.

– Опять будет болтаться под ногами! – сказала она в сердцах женщине, принимавшей документы.

– Читать умеет? – спросила та и, получив утвердительный кивок маминой головы, взяла меня за руку и повела в темный угол школьного двора. Там оказалась библиотека, а милая эта женщина ее и возглавляла. Мы вошли в большую комнату, заставленную шкапами с книгами. И мне показалось, что я снова в Ланкиной комнате, стоит повернуться – и я увижу ее широкую кровать...

С этой комнаты и начались мои выдумки-придумки. Я читала, а потом пересказывала библиотекарше, соседскому Борьке, уличным мальчишкам книгу так, как хотелось. И никто мне был не указ. Какие-то мои придумки жили во мне долгие годы, и что-то я все-таки успела Ланке пересказать, прежде чем научилась внятно записывать.

Раз в месяц мама возила меня в библиотеку на трамвае. Из его окон было видно море и широкий пляж. Тихое, спокойное море издали походило на лужу. Разве это море? И я вспоминала «мой край земли»...

Самое дорогое воспоминание – школьная библиотека. Завораживала даже сама дверь – таинственная, железная, без крыльца и навеса. Единственная дверь на торцевой краснокирпичной стене. Это место называлось – тупик. Прохожие появлялись редко, отчего сам тупик с его старыми деревьями казался сказочным царством. Я открывала дверь, наверное, так, как Буратино свою, за нарисованным очагом. Даже было чуть-чуть жутко.

Но зато внутри... полусвет, стеллажи с книгами – сколько их! И ласковый голос, тоже как в сказке: «А... деточка, иди скорее, я тут тебе приготовила...» И макушку мою гладили мягкие, ласковые руки и раскрывали передо мной страницы...

Первая, прочитанная самостоятельно, книга называлась «Волшебник Изумрудного города». Долго помнилась почти наизусть. Особенно картинки. Очень любила пересказывать книжку всем, кто соглашался слушать...

До сих пор особенное удовольствие испытываю, пересказывая друзьям разные интересные истории. Но это так, побочное, что называется, явление. Главное – родилось особое почтение к Книге. И с возрастом все более к книгам документальным, научно-популярным. Ибо жизнь всегда рождает... то, до чего не догадаешься сам!

Истории 1947—1948 годов

Муром

О школе таганрогской ничего не помню, привыкнуть не успела. Месяца через два служба отца в армии закончилась. И мы уехали в Муром. Наконец навсегда, как сказала мама.

Открытие родственников

Поселяемся у бабушки Кати. У нас с ней была общая тайна – маленький крестик на ботиночном шнурке. Крестик мы ходили смотреть к моему крестному. Бабушка думала, что мне хочется его видеть. На самом деле ей хотелось в гости. Я же рвалась к Ланке. Дед уже поднял внучку на ноги, и ее тоже пустили в школу. Все события, связанные с Ланой, через много лет получили большой Отголосок. А пока Муром открылся для меня существованием моих родственников. Меня тогда удивило, что двоюродные, троюродные и прочие незнакомые люди – родственники. И что на них нужно надеяться. «Как же!» – сразу отрезвила меня двоюродная сестра Валентина. Ее мать, тетя Соня, объясняла, кто мне и кому я кем-то приходимся. Валентина дослушать не давала, энергично вырывала меня из ее рук – гулять. Так до сих пор и живу необразованной по этой части.

Одна большая-большая комната. При входе, тоже большая, беленая печь. Ее сложил еще мой дедушка. Звали его Корней Миткевич. По рассказам бабушки Кати, дед был отличным печным мастером. Когда-то молодым приехал из Польши в Белоруссию, влюбился в мою бабушку – Катерину Жук – певунью и кокетку. Женился, и начали они колесить по стране. То на Дальний Восток уедут. То на Украину. То в России проживут, то опять на Дальний Восток укатят.

И каждый раз повторялось одно и то же – обживутся, найдут какой-нибудь хор... А потом дед опять срывается с места – новые края повидать. Все нажитое бросают, детей за руки – и айда! Детей трое – старший Андрей – любимец матери, младшие – Люба и Николай росли так, как будто их тут не ждали. Николай, веселый, добрый мой дядька, вырос в художника и музыканта. В семье осталось несколько его картин, написанных маслом, и карандашные рисунки. Каюсь, их я присвоила и припрятала. Теперь ими владеет моя старшая дочь. У нее не пропадет...

Про деда Корнея рассказывать любили все. Видно, колоритная была фигура. Из всех рассказов вырисовывался такой портрет. На новом месте золотые руки деда кладут по всей округе такие ладные печки, что сами топят. Платили деду хорошо. Они снова обзаводились хозяйством. Дед кладет кирпичи и песни поет. Тут же находятся еще любители попеть. Складывается хор.

В детском альбоме есть несколько фотографий дедушки и бабушки. Особенно хороша на них бабушка – в вышитых блузках, в бусах и монистах на шее.

Дед еще отлично резал по дереву. В один из наших приездов вырезал мне деревянную куклу. Расстаться с ней не могла. И когда двоюродная сестренка, моего же малого возраста, бросила куклу в бак с кипятком, кинулась ее спасать. Я этого эпизода не помню, но про него почему-то много рассказывали, а на моей руке после ожога остался след. Мне он очень нравился в детстве – похож на часики...

Когда мы приехали в Муром, деда в живых уже не застали. Висела на стене большая фотография – копна вьющихся волос, улыбающиеся черные глаза и роскошные усы, лихо закрученные на концах стрелками. Как у художника Дали, которого в те времена еще не знала.

Стоял на постаменте сделанный им нарядный дом размером с тумбочку. Ряд окон, входная дверь... Оказалось, что окна не окна, а выдвижные ящики для ложек, ножей и вилок. Открываешь окошко и берешь, что тебе нужно... Мы, дети, а нас трое, – каждый раз вставляли в очередь накрывать на стол.

В квартире – большущей комнате – у бабушки свой закуток с кроватью и настоящим, окованным железными полосками, сундуком. Дверной проем в закуток украшен нарядными занавесками. На остальном пространстве комнаты жила семья ее старшего сына, маминого брата: дядя Андрей, его жена Соня, дочь Валя и сын Юрий.

Нас приютили на минутку, пока не снимем жилье. Мы с Валею – одноклассники – тут же подружились. Вместе ходили в одну школу, всегда ждали друг друга после уроков. Особенно зимой – так весело было вместе проехаться со свистом на портфелях по длинной-длинной пологой горе – нашей улице Плеханова. Начиналась она первым солидным каменным домом когда-то училища, заканчивалась вторым солидным каменным в три этажа. Жилым домом при декстриновом заводе. Между ними одноэтажные домики в садах. Впрочем, и весь старинный городок Муром в садах, если не считать центра со знаменитой водонапорной башней и несколькими кварталами кирпичных – от двух- до пятиэтажных – домов.

Среди серых частных домиков то тут, то там возвышались церкви. Почти все облупленные, хоть и с крестами. Поблизости от нашего дома, на крутом берегу Оки, был некогда монастырь. Во время моего детства, конечно, заброшенный. В зимней – низенькой церкви что-то складывали. Она почему-то особенно привлекала внимание. Даже на взгляд казалась теплой и уютной в зелени разросшихся ясеней и берез. Рядом возвышалась летняя церковь, с дивными росписями внутри, как видно теперь. В советское время в ней размещалась школа вождения автомобилей. Посреди пустого пространства на возвышении стоял грузовик и ученики газовали на месте, час за часом покрывая росписи черной копотью. Эти две церкви на горе, да завалившиеся старинные памятники и были нашим любимым местом игр.

Истории 1948—1949 годов

Событие, перевернувшее мою жизнь

И в этом доме мне не удалось пожить долго. Быстро закончилась «минутка» нашего житья у бабушки. Отец бегал по городу – искал жилье. И вдруг жизнь просто взорвалась, хотя в доме наступила всеобщая тишина. Все – и бабушка, и тетя Соня с дядей Андреем старались куда-то уйти из дома. Мы, дети, не понимали, что происходит... Мои мама и папа днем лежат на кроватях напротив друг друга. Что уж совсем невероятно... Мама спрашивает – ты останешься со мной, Томка? Мне не очень понятен вопрос, да и о чем тут спрашивать? Конечно, мама! Со страстной верой, что иначе не может быть.

Потом папа спрашивает – ты пойдешь со мной, Томка? Конечно, пойду! С такой же страстной верой.

Я в тревоге и страхе. Что происходит?..

Не помню, как долго это тянулось. Чем жила между этими двумя вопросами – тоже не помню. Но кончается все тем, что исчезает мама. Папа собирает наши одежды, и мы, держась за руки, уходим неизвестно куда. Как оказалось – папа снял комнату у бабы Груши, в другом конце города. Баба мне сразу понравилась, особенно ее имя – Груша. Она и была похожа на грушу.

Целый год мы с отцом жили дружно-предружно. Он меня встречал вечером из школы, жарил самые вкусные в мире «коклеты», и мы читали всякие замечательные книжки. В своем шахтерском, невеселом и бедном, городке Енакиево он, похоже, читал мало и теперь вместе со мною переживал приключения, путешествия и ребячьи истории с тем же воодушевлением, что и я. Потому читаю старательно, «с выражением». Даже хорошо, что тогда не было телевидения! Иначе мы никогда бы не узнали друг друга так близко.

Папа умел не только готовить, штопать мои чулки, но и мастерить мебель и рассказывать про полеты. Он ведь был не просто летчиком, а больше – штурманом. Тем, кто прокладывает путь...

В том возрасте уже чутьем понимала, где совсем правда, а где словно красками раскрашено. Очень у него получалась веселая война на Халхин-Голе. А уж рассказы про дальневосточную тайгу!.. И мама, когда-то то в Енакиево, то в Таганроге, вспоминала тамошние лесные красоты, которых теперь у нее не было.

Не помню, читали ли мы с отцом «Два капитана» Каверина. Но для меня он, всю оставшуюся без него жизнь, был где-то рядом с ними: воевал, был ранен, самолет едва дотянул до аэродрома... «Ты мне верь, пацанка», – говорил он, рассказывая свои истории. И как еще верила!

Первое время я даже не спрашивала, где мама. Но все время тревожилась – все ли у мамы в порядке... Вспоминался почему-то мальчик Боренька и его зеленый холмик, хотя в доме о нем никогда не говорили. Вот появится мама... и вглядывалась во всех похожих тетю. Удивляло – как же мама не приходит, чтобы спросить, все ли у нас хорошо...

Вскоре нашлись добрые люди, которые объяснили, что мама живет с другим дядей и мы ей вовсе не нужны. Я замкнулась. Больше никогда не говорила о маме.

Пришло лето, переезд на новую съемную квартиру и бесшабашное уличное житье. Когда пришла, куда ушла, что ела? – никому нет дела. Свобода! Квартирная хозяйка отлавливала меня и впихивала суп. Да еще и купала прямо во дворе в детском цинковом корыте. В свои восемь лет я еще в нем помещалась.

Помню, как-то поздно вечером она сказала отцу: «Георгий Михалыч, девка-то совсем одичала!» А отец засмеялся: «Ничего. Я нашел на нее управу – завтра приведу новую мать!» Ну, может не совсем такими словами ответил, но смысл был таков. И хозяйка – мудрая, видно, женщина, заплакала: «Отдали бы лучше мне девку-то!» Не заплачь она, наверное, и не запал бы в мои мысли этот разговор так трагически.

Действительно, вскоре появилась Она. Не помню, как мы общались с ней дома, не помню, разговаривала ли она со мной о чем-то. Наверное, разговаривала. Отец стал требовать, чтобы звала ее – мама. Как – мама?! Ну, нет, пусть уж лучше не будет никакой...

Она стала официальной женой отца, но мне почему-то отец ничего не объяснил. Другие дети моего возраста уже прекрасно разбирались в семейных коллизиях, знали, кто кому кем приходится. А я жила словно в вакууме, в тайном молчании, и даже двоюродная сестра Валя, с которой мы виделись в школе каждый день, никогда не говорила о моей маме.

Мама же приходила ко мне в школу раз в год – на день рождения. До сих пор хранится у моей старшей дочери Анюты яркая большая книга «Сказка о царе Салтане». Книге я тогда обрадовалась, а маме... Она стала для меня – тетей, какой-то далекой родственницей. Нам нечего было сказать друг другу, а когда она начинала ругать папу за какое-то габардиновое пальто, мне становилось скучно. Она это замечала, сердилась, упрекала меня, отца. А когда однажды я призналась, что мы с папой о ней вообще не говорим никогда, всплакнула. Не помню ни радости от ее приходов, ни печали, словно все это меня не касалось. Во мне жило убеждение (как у многих детей!), что меня в роддоме перепутали и потому мама не чувствует себя моей мамой, а я – ее дочкой. Подходила к зеркалу и не видела у себя ни ее миндалевидных карих глаз, ни очаровательных ямочек на щеках. Она была очень привлекательна. Про себя шептала «мама, мамочка», но вслух – ни за что! Звала ту маму, которой на свете не было. Как сладостно придумывать: вдруг нашлась настоящая мама, такая добрая, такая ласковая, книжки вместе читаем. Придумаю, а что с ней делать дальше – не знаю.

Истории 1949—1953 годов

Муром – деревня Лядо

что на берегу речки Тулки, впадавшей в речку Вазузу, которая спорила с Волгой, кто из них длиннее. Но деревня Лядо будет потом, сначала про все, что случилось в Муроме.

Муром – город в те времена маленький. Меня и про меня знали все. Чувствовала это – спиной. Дня три после визита мамы меня не вызывали к доске и не спрашивали на уроках. Меня нельзя было тронуть, а тем более, что-нибудь сказать. Я могла побить, была спортивная, сильная. Однажды кто-то из девчонок сказал: «Твоя мачеха обманула меня на рубль (мачеха работала в магазине)». Я с отчаяния отколотила эту девчонку. Тогда девочки и мальчики учились отдельно. Наш девчачий класс «А» собрался бедовым. Не слишком управляемым. Мы все чувствовали себя королевами, и нам это нравилось.

Кончился первый школьный год с мачехой. Отец объявил, что на лето меня отвезут в деревню, к родителям мачехи. Там будет весело и меня ждет сестра Надя – дочь мачехи. Мы сели в поезд и поехали в Смоленскую область, Гжатский район, в деревню Лядо (что значит – Большая поляна). Поскольку успела увлечься историей и знала о декабристах (спасибо библиотекарше – она писала про них какие-то работы), представляла – еду на каторгу.

Каторга оказалась маленькой красивой деревенькой. Как не хотелось туда ехать! И как не хотелось оттуда уезжать! «Каторга» породила, разбудила во мне особое родство с природой.

Бабке я оказалась костью в горле. «Чтоб не нахлебничала», – то и дело приговаривала она. Одним ведром, двух поначалу не поднимала, я таскала воду из колодца, кормила кур и овец, ворошила сено, пасла корову Галку. Все работы мне нравились, особенно пасти корову. Берешь хорошую горсть крупной соли и описываешь ею круг на лугу. Раскрываешь книжку, а Галка ходит вокруг тебя, как на веревочке. Но, пожалуй, еще больше любила собирать куриные, гусиные, утиные яйца. Вся эта публика неслась где попало. Приходилось пробираться меж кустов, среди бурьяна за забором, лазить под огромные лопухи, словно ты ищешь сокровища или пробираешься тайком к партизанам. Когда приносила бабке большую корзину разнокалиберных, иногда еще теплых яиц, бабка смягчалась и непременно выделяла – на выбор – яйцо на съедение. Там, в деревне, сырые яйца были очень вкусны!

Но главное в яйцах, конечно, не вкус, а удивительное белое совершенство. Спустя много лет я обнаружила себя пишущей рассказы для детей – про природу. Ну как же было не написать про яйцо! А про тетю Марию? Да! А еще славная ведьма! Уверена, мало кому повезло так, как мне. Подумать только – собственная ведьма... А уж дед Иван – просто подарок в жизни!

Яйцо

Раннее-раннее утро. Солнце еще только приподнялось над землей. В резком красноватом его свете все вокруг стало необычайно контрастным и ярким. Косые лучи высвечивали на лужке перед домом каждую травинку, каждый цветочек. Мне никогда раньше не приходилось бывать на улице так рано. Еще и поэтому, очевидно, все выглядело так необычно, почти как во сне...

Вдруг откуда-то выплыл на луг гусь. Вернее, гусыня. Именно выплыла, так степенно, важно, медленно она шла. Длинная шея несла маленькую головку, как корону. Лебедь! – изумилась я. Гусыня посмотрела строго и повернулась ко мне задом. Это уже потом я узнала, что зад у них называется гузка. А тогда, ну не поверите, показалось – балетная пачка... Правда-правда, белоснежный пух не лежал гладким, ровным слоем, а был взбит, даже немножко встре-

пан. Гусыня слегка поворачивалась то в одну, то в другую сторону, грациозно наклонялась, подбирая что-то с травы, а мне казалось – кланялась... Ее «пачка» то вспыхивала ослепительно белым, то отливала розовым. Так захотелось дотронуться до ее «пачки»... Я тихонько подошла к гусыне, опустила на корточки и – погладила гузку. Гусыня от неожиданности замерла, потом чуть присела и выкатила мне на ладонь большое белое яйцо. Потом выпрямилась, сказала важно «га-га» и, не оглядываясь, ушла.

Тетя Мария

Когда приезжал кто-то из родни, бабка отправляла меня ночевать к своей старшей дочери Марии – через несколько домов.

Вхожу первый раз в просторные чистые сени. У стены большой старинный сундук, в углу зачем-то свисают с потолка до самого пола длинные занавеси. Что за ними? Тетя Мария откидывает легкую, в мелкий цветочек занавеску, за ней кровать. «Тут ты будешь спать». И я немею – это же не занавеска, а сказочный балдахин: мягкие подушки, яркое лоскутное одеяло... Как принцесса!

Тетя Мария смеется и ведет в горницу. Чисто так, что все аж светится. На окнах цветы и длинные белые занавески, единственные в деревне. Потом только сообразила, что они из обыкновенной марли. Но как смотрелись! Мы с тетей Марией сразу полюбили друг друга. Я-то понятно – за добро и ласку! А она, может, потому, что я скрашивала ее одиночество, а может, потому, что ее невестку тоже звали Тамарой.

Здесь в мои обязанности входило вставать на заре вместе с тетей Марией – она бригадир и опаздывать на работу права не имела. На столе уже стояла мисочка свежего меда, кружка холоднющей воды из колодца и тарелка ржанных лепешек на сметане, только что вынутых из печи... Вкуснее до сих пор ничего не едала!

Сначала тете Марии приходилось меня будить. А потом она придумала вот что: положит ночью около моей подушки кусок хлеба, утром откроет скотный двор. Оттуда тотчас выскакивают крошечные козлята и ко мне. Вскочат на кровать – за хлебом. Тут уж любой проснется, когда по тебе легкие копытца пробегут. По одеялу деликатно проскакивали, но чтоб лицо задеть – никогда!

Иногда тетя Мария разрешала мне мыть полы. Дом у нее новый – сын построил. Окна большие, а пол из широких некрашенных сосновых досок. Мыли его с песком. Намочишь пол, посыплешь чистым песочком с речки и трешь большой мокрой тряпкой. Потом смоешь чистой водой. А что не смылось, мягким веничком, когда высохнет, сметешь. Но до того как пол высохнет, можно голым пузом лечь на влажные доски там, где их солнышко из окна греет, и испытывать неземное блаженство от бархатного прохладного прикосновения.

По вечерам на крылечке пьем козье молоко с ватрушками. Она рассказывала про покос, как шугали зайчат, чтоб не зацепить косой какого-нибудь, как на отдыхе ложились на пригорок и собирали землянику прямо губами. Кому-то попала на зуб божья коровка – всем смех, а тому бедняге жуть как невкусно! А перед сном тетя Мария всегда просила: «А теперь почи-тай-ка на ночь стихи...» Я тогда много помнила наизусть Пушкина, Лермонтова и почему-то Твардовского. Читаю, а про себя думаю: а может тетя Мария – моя мама?

Сестру Надю, дочку мачехи, в ту пору не помню совсем – бегала какая-то девчонка среди других деревенских малышей. «Какие у тебя глаза?» – спрашивали взрослые, заранее предвкусывая удовольствие от смешного ответа. «Чёйнары!» – выкрикивала Надя и убегала. Ко мне она не подходила. Вот уже много лет мечтаю эту Надю отыскать. Отыскать и поклониться. Когда пришла пора учиться, ее привезли к нам, поселили на одной со мной кровати за шкафом. Но и тут мы почему-то почти не разговаривали, каждая жила в своем отдельном мире. Отец удочерил ее, но между нами никакая искра так и не пролетела. Я ушла от них и о Наде больше

не слышала. Много лет спустя мне рассказали: когда отец умер, к ее матери попытался вернуться отец Нади, бросивший их когда-то и сбежавший, чтоб не платить алименты. На вопрос матери Надя ответила, что ее отец Ильинов и другого не будет. Потому-то хочу ей поклониться.

Настоящая славная ведьма

Идти к тете Марии приходилось мимо старого-старого, почерневшего, покосившегося набок, вросшего в землю по самые оконца, домика. Обступившие его березы и буйная крапива словно пытались спрятать домишко от людских глаз. Домик меня пугал. Деревенские девчонки говорили, что там живет старуха-ведьма. Днем из дома не выходит, а только на заре. Уходит в поле или в луга – ворожить. И тогда птицы просыпаются и летят к ее дому. Говорили, что она умеет лечить и заговаривать и дом ее внутри зарос травой.

Тетя Мария, увидев однажды, какой круг я даю от своего дома до ее, удивилась: «Ты что, боишься Бамани?» Хозяйку домика звали баба Маня, но деревенские давно сократили имя до Бамани. Тетя Мария засмеялась: «А ну-ка сходим к ней в гости!»

Тетя Мария налила бидон молока, взяла плошку меда, и мы пошли. То есть шла тетя Мария, малолетняя трусиха плелась сзади, цепляясь ногами за все кочки, что попадались на пути. Перед дверью вдруг вспомнила сказанное кем-то: «Где наша не пропадала!», – выпрямилась, уняла дрожь в коленках...

Тетя Мария решительно открыла скрипящую дверь: «Баб Мань, ты дома?» И из черного нутра раздалось басовитое: «Входи!»

Вот так ожила для меня сказка. Окунувшись в темноту, после яркого солнечного света, увидела лишь темноту в темноте. Спустя время глаза немножко привыкли и разглядела слабый огонек керосиновой лампы. Свет словно разрастался сам по себе – увидела пучки трав над головой. Дальше – больше – пучки висели повсюду: по стенам, на печке, свисали с потолочных балок, а на малюсеньких оконцах стояли маленькие горшочки с живыми растениями. То и дело из-под лавок выскакивали пестрые курицы, вспархивали на стол, и тогда фитилек лампы вздрагивал, качался, пуская по округе фантастические ожившие тени. Мы с тетей Марией сели на лавку, то есть села тетя Мария, мое же существо прилипло к ее боку. Баманя села напротив на единственный стул.

Они о чем-то говорили с тетей Марией, мне было не до них – успеть бы разглядеть диковинное жилище. В углу, как полагается, висела икона, покрытая когда-то белым вышитым полотенцем. Теперь трудно было понять – ткань это или плотная паутина. В углу напротив рваным серым облачком покачивалась точно паутина. Ее снизу подсвечивала лампа. Травы свисали самые разные, некоторые даже узнавались. У порога чуть светился обыкновенный веник из полыни. И у нас такой же. В печке стоял чугунок, из него поднимался пар и пахло лугом на жарком солнышке. И ничего страшного в домишке не оказалось, а девчонки-то страшали и такого наговорили – ведьма, ведьма...

Когда глаза уж совсем привыкли к темноте, стала разглядывать саму ведьму. Она оказалась старушкой слегка сгорбленной, как ведьме и полагается, маленького роста. Откуда только брался ее басовитый голос! Над верхней губой топорщились маленькие седые усики. Когда она улыбалась, по лицу разбегалась сеточка морщинок. А улыбалась она почти всегда. И вот что еще меня удивило – когда в чем-то уверяла, то крестилась не на икону, а на три фотографии под ней.

Провожая нас, Баманя обняла меня за плечи, полы ее халата накрыли, как крылья. «Будешь помнить мои травки и сама тянуться к ним. Вижу-вижу...» – заговорщически пробасила она.

Едва мы вышли на свет, кинулась было к тете Марии. А она закрыла мне рот своей душистой ладошкой – недавно мед выкачивала. И только когда отошли подальше, тетя Мария засмеялась: «У Бамани слух как у совы, а глаза как у орла!» Тетя поняла, что меня заинтересовало.

Когда-то Баманю звали Марианна Петровна и была она до войны председателем колхоза. Ее придумка – сеять лен и гречиху рядом. Для красоты. Колхоз их, говорят, был первостатейным. Моя тетя Мария того времени не помнила, была маленькой. А сынов Бамани видела – крупные были молодые парни. Их в деревне звали тремя богатырями. Остались от них одни фотографии. Их прислал кто-то с заводской доски почета, когда немцы подходили к Смоленску. Сами сыны уже всю воевали на фронте.

Не вернулся ни один – все трое погибли в одном танке. Баманя чтит их наравне со Всевышним.

С тех пор мы с тетей Марией частенько заглядывали к Бамане. Непременно с угощением. А уходили с пучками трав. С молоком, хлебом, пирогами приходили все – тем Баманя и жила.

Вспоминая Баманю сейчас, хочется, как в детстве, прижаться к ней, чтоб погладила по головке и рассказала тихим баском легенду про очередную травку. Передала-таки эта славная ведьма мне свое умиление травами. Спасибо ей.

Дед Иван

Там, в деревне, досталась мне роль белой вороны. Деревенские девочки моего возраста при хозяйствах, скотине, младших сестрах и братьях, им не до книжек. Я не знала, о чем с ними говорить. И судьба подкинула деда Ивана: маленький, тихий, с ласковыми голубыми глазами, он в своей деревне тоже казался чужим. Главное – пить не любил, это в деревне-то, где мужика трезвым не видели. Помню это совершенно отчетливо. Едет по полю комбайн, качается, скрипит, скрежещет, барабаном-косилкой то и дело тыкается в землю, спотыкается. Следом трактор, из-под колес вырываются комья земли, как снаряды из пушки. И сидят на машинах удалые колхозники, матерясь и сползая с сидел. А за ними, спотыкаясь, бежит бригадир, машет им вслед кулаком, другим размазывая то ли слезы, то ли пот на лице. Я-то ничего не понимаю, а бабка говорит – совсем сдурели, косят на сжатом поле! Лен-то вон, по боку, совсем полег. Такая картина врезалась в память городской девчонке намертво.

Дед же Иван считался старым, чтоб работать. Он любил лес, любил собирать ягоды и грибы. С вечера он просил у бабки: «Дай мне Томку, я что-то стал плоховато видеть, она мне поможет собирать».

Рано утром, еще по росе, не торопясь, идем по тропинке меж двух полей – гречишного в розово-малиновом цвету и льняного – в небесно-голубом... «Эх, красота-то!» – каждый раз вздыхает дед. «Что ж вздыхать?!» – удивлялась я. А теперь, вспоминая, сама каждый раз вздыхаю. Наконец переходим вброд речку Тулку, и дед преображается, оглянувшись, правда, не видит ли его бабка или кто из соседей. Тихонький старичок выпрямляется и, словно мальчишка, звонко свистит...

Начиналась наша лесная жизнь на одной и той же полянке, скрытой от всех. Дед давно соорудил стол из большого пня и лавку из поваленного дерева, а вместо крыши над головой – огромная старая ель. Дед достает из корзинки то, что прихватил из дому, любовно раскладывает на столе. Радует: «Как бары – сами по себе и никто не жужжит в ухо!» За нехитрой снечью начинались разговоры. Я ему – какую-нибудь историю из книжки, а он – про настоящую войну. Он партизанил в этих лесах, здесь два года стояли немцы. Как же это было мне в строку – росла-то на советской литературе, на подвигах, где дух главенствовал, где все – во имя светлого будущего. Никакой иронии – мы с ним говорили о главных для человека понятиях добра и зла. Говорили на равных, отлично друг друга понимая.

Дед Иван стал для меня штурманом, как когда-то отец. Он и вывел меня на правильный путь.

Не буду пересказывать все его истории, только одну, особенно поразившую тогда. Потому что в книжках я читала совсем другое про немцев.

Рассказ деда Ивана «Шишок рогатый»

В каждом доме небольшой лесной деревушки поселились солдаты, а в дедовой избе – офицер. Изба большая, чистая. В скотном дворе еще бегали куры, утки в бурьянах прятались, благо, дом стоял на самом краю деревни, за ним большой луг, речка и лес. А что такое смоленские леса, рассказывать не надо.

Офицер тихий, вежливый, не орал, как другие «Матка, кур, яйка!» Бабка, тогда еще красивая молодайка, сама ему, молча, подкладывала. Офицер любил гулять – ходил на луг, к речке. До леса не доходил – леса немцы боялись. Часто залезал на сушилы. Бабка вспоминала – ляжет на сено и что-то бормочет себе под нос. Бывало, подолгу там сидел. Что он там делал, кто его знает...

Немцы в деревне не зверствовали – местных жителей не трогали. Хотя догадывались, что все мужики деревенские по лесам партизанили. Потому что в деревне остались только бабы, дети и уж совсем древние старики. Бабы и дети немцев обслуживали: дрова кололи, бани топили, часто и еду готовили. Бывало, конечно, солдаты кур отнимут, козу пристрелят. Иногда в лесу за деревней трещали автоматные очереди. Но деревня, считалось, жила относительно тихо. Местные жители немцев все равно боялись, ждали боев. Иногда прибегали к бабке соседки и давай в ее закутке ругать немцев. Главное ругательство у них – шишок рогатый.

И вот однажды офицер подходит к бабке и на чистом русском языке говорит ей: «Скажи своим мадам, чтоб не ругались шишом рогатым. Многие немцы уже понимают русские слова. Меня не бойся, я – не немец, я чех, коммунист. Партизанам, наверное, соль и спички нужны? Я буду оставлять над дверью бани, там, кроме меня, никто не ходит».

Бабка чуть не умерла от страха. Офицер больше с бабкой не разговаривал. Пересказала разговор деду – тайно встречались в лесу, бабка ходила туда будто за хворостом.

Больше года простояла та немецкая часть в деревне. И все время раз в неделю офицер оставлял спички и соль под крышей бани. А дед забирал.

Потом на больших фронтах начались бои, немцы засуетились, засобирались. Бабка все хотела сказать офицеру спасибо, но вокруг бегали солдаты, офицер прикрикнул на нее, погрозил пистолетом. Бабка испугалась. Когда немцы ушли, она сама себе не верила – думала, может, приснилось все.

«А вот не приснилось! – закончил свой рассказ дед, – спички-то и соль я же брал!»

Наговорившись, дед спохватывался: «Сидим! А без добычи-то нам домой нельзя!»

Ох, не знаю, что тогда было важнее – поговорить или побродить по лесу. Дед знал здесь каждую тропинку, каждый овражек, каждую полянку и каждого жителя леса.

Теперь понимаю – ну, кому еще, кроме меня, мог он рассказывать про всякое зверье, про растения? Деревенские лес понимали, в основном, как огород. Мне же дед не просто рассказывал – отыскивал в густой зелени птиц, зайцев, однажды показал лисицу, мышковавшую на недавно скошенном поле... Рассказы его начали всплывать в памяти много лет спустя, и я путаюсь теперь – сама ли видела, дед Иван ли рассказал, а может, это байка кого-то из знакомых егерей... Потом перестала допытываться – раз живет во мне история, стало быть моя!

«По что идем сегодня? – спрашивал дед. – По белые или по осиновики (эти грибы так называл дед), а хошь, по лисички...» И приводил на поляну с лисичками, где ногу некуда

поставить... У белых и подосиновиков брали только шляпки. А уж если ходили по ягоды, то приносили ведрами – дед сам смастерил специальные складные ведра – из брезента.

Однажды позвали меня по ягоды девчонки. Бабка отпустила – что ты все как старуха, с дедом! Я повела их в дедовы места. Малины – все кусты красные. Разбрелись. Сначала аукались, а потом так увлеклись, что забылись. Через некоторое время стали попадаться ветки, ободранные наголо, вместе с листьями. Ну, думаю, девчонки совсем обленились... Слышу – сопит кто-то рядом. Не иначе, Валька-Кызя. Сейчас я тебя напугаю – смеюсь про себя. Протягиваю руку в середину куста и хватаю что-то жесткое, лохматое... Оно дернулось, и из куста вывалился медведь – чуть меньше меня ростом, весь в листьях и каком-то мусоре. Не знаю, кто из нас испугался больше, оба бросились прочь друг от друга. На мой крик прибежали девчонки – думали, змея укусила. А про медведя сначала не поверили. Потом дед подтвердил: «Место там медвежье, а Томке повезло – медведенку-то тамошнему времени годка нет».

Следующего лета я уже ждала. Ждал и дед Иван. «Ну, че, начиталась историй-то? А я тут семейку ящериц приглядел...» Солнечная опушка, травы по пояс – еще не кошено! Дух медвяный!.. Хоть черпай воздух ладонями, как воду. Посредине поляны огромный пенёк. И на нем лежит? сидит? нет, застыла ящерица. Крупная, с ладонь. Зеленая.

(Да простят меня зоологи, утверждающие, что в тех краях живут лишь ящерицы обыкновенные прыткие коричневатого цвета.)

Первая мысль – Бажов ничего не выдумывал, он видел такую же! Мы подобрались тихонько, травы не колыша. И стоим перед ней на коленях. Ящерица смотрит на нас продолговатым, цвета гречишного меда глазом, лениво и снисходительно. Она совсем не боится, словно знает, что вреда не причиним. Дышит спокойно, медленно, и при каждом вздохе по туловищу пробегают золотые искорки.

Вдруг из крупной трещины на пне выскакивают крошечные ящерки. Они бегают, играют, совершенно не обращая на нас внимания!

«Смотри, дедушка, какие у нее хорошенькие детки!» – не выдерживаю я тихого восторга. Дед смеется, ящерки пугаются и исчезают под пнем. Думая, что успею ухватить какую-нибудь за хвост, запускаю руку под пенёк...

В ямке под пнем нащупываю что-то холодное, твердое... Вытаскиваю на свет...

Дед быстро выхватывает из моей ладони это нечто и отбегает. «Лимонка», – говорит он. И я понимаю, о чем речь. Я столько про них читала...

Лимонка в его руке как новенькая, даже краска не облупилась. «Дай подержать», – прошу у деда. Он, оглядев лимонку со всех сторон, кладет на ладонь мне весоменькую ребристую гранату. Даже сейчас могу вызвать в памяти то ощущение. Но через минуту забирает ее и требует, чтобы я дала честное пионерское – никогда и никому не расскажу дедову тайну. «Идем!» Голос у деда стал командирский, сам дед выпрямился, словно вдруг вырос...

В полном молчании и какой-то неведомой мне торжественности доходим до длинного земляного вала, заросшего кустами так густо, что не везде и пролезть можно. Долго пробираемся по кустам и оказываемся, наконец, перед дощатой дверью в склоне высокого вала. «Тут таких старых землянок десяток. Эта была командирская, строили на совесть, потому и уцелела», – дед осторожно открывает дверь, но внутрь не пускает. Но и с порога видно, сколько сложено в просторной землянке гранат, автоматов, пистолетов, касок... «Вот собираю и прячу, чтоб глупой ребятне в руки не попали, – строго сказал дед. – Долго ли до беды? И потому об этом месте никто не должен знать». Он помолчал и добавил: «Только я и... ты».

Честное пионерское нарушаю сейчас. Уверена – теперь от дедова хранилища не осталось и следа. Уверена, и все-таки мелькнет иногда лукавая мысль – а вдруг... Но вспоминаю про всяких «черных копателей», про молодежные отряды, искавшие следы всех войн... Наверняка

нашли дедово хранилище. Но мне-то повезло в любом случае – не ища, нашла главного героя последней войны – деда Ивана. Он живет в моей памяти...

Последнее деревенское лето. Мне – 13. По тамошним меркам – невеста. Ко мне даже сватался местный тракторист. Сидел на берегу нашего пруда и играл на гармошке. Мне скучно. Уйду в дом, а бабка снова выгонит меня на крыльцо – слушай. Из-под кепки гармониста падает на лицо буйный чуб – лица не видно. И еще на нем новенький ватник. Это в июле-то! Да и гармошку терпеть не могу... Сажу, как истукан. Спасает дед, выходя на крыльцо с корзинами. «Ну, пошли, что ль? – и гармонисту: – Бывай! Не твоего поля ягода».

Мы по-прежнему ходили с дедом Иваном по грибы и ягоды. Нашли однажды пистолет, потом старую каску, сквозь которую пророс цветок, как на известном когда-то плакате, и полустлевшую планшетку. Им тоже нашлось пристанище в той землянке.

Истории 1953—1957 годов

Как я сама перевернула свою жизнь...

В Муром вернулась повзрослевшей. Не знала, какими словами рассказать новое понимание – все на земле связаны друг с другом, как в лесу. Своими глазами видела! Думаю, это было важное открытие, собственное. Оно со мной всю жизнь. И еще – появилась у меня настоящая взрослая тайна. В нее отныне посвящены только двое – я и дед Иван.

Много лет гордилась честным словом, которое дала, и тем, что одна знаю, какой на самом деле человек дед Иван. И все время жалею отца, он же штурман! Мог бы, как дед Иван... чего мог – сама не знаю. Вел бы кружок в школе. Начинаю придумывать для него уважаемое занятие, а к вечеру прихожу из школы – на столе опять чекушка. Мачеха воодушевленно соби-
рает на стол, а он морщится и явно стыдится меня. Вспомнил, наверное, мой вчерашний рас-
сказ про разгромленное бездельниками и пьяницами здание местной милиции. Мне его жалко. Привычно думаю – уйти бы, поступить куда-нибудь...

В свой четырнадцатый день рождения встаю рано утром и говорю, как-то даже неожида-
нно для себя: «Прости, папа, но я от вас ухожу к маме!» В комнате повисла напряженная
тишина. Надя застыла с открытым ртом. Мачеха засуетилась за столом. Отец спросил: «А мать
знает об этом?». – «Нет еще...». – «А ты знаешь, где она живет?». – «Сестра Валя ответит»...

Отец опустил голову, мне было жалко его до невозможности вздохнуть, и я, прямо
от стола, рванулась к двери. «Возвращайся, Томка!» – крикнул вслед отец.

Вот и все. Решилась. Не возьмет мать, пойду в детдом. Зато больше не увижу, как пья-
ненький отец унижается перед мачехой, прося ее не ходить в горком...

Не останавливаясь, долетела до дома бабушки Кати, где жила сестра Валя. Привела она
меня к серому забору, за которым виднелся маленький дом, толкнула калитку и убежала – она
побаивалась строгую свою тетку.

Вхожу в дом. В маленькой кухне хлопочет у плиты мама. Из комнаты выглядывает круг-
лая мордашка девочки лет трех.

«Здравствуй, мама!» Молчит. Потом: «Ну, здравствуй! Кто тебя привел?». – «Валя». –
«А где она сама?». – «Убежала, тебя боится...»

Помолчали.

«Я пришла насовсем. Не возьмешь, пойду искать детдом».

«Кто так решил?». – «Сама». Опять помолчали. Круглая мордашка то высовывалась, то
скрывалась за дверью. Тоже молча.

Мать вздохнула: «Сейчас придет дядя Сережа. Как он скажет, так и будет».

Помню, мама не сказала «проходи», не предложила сесть, и я стояла в дверях, не решаясь
шагнуть ни назад, ни вперед. Ни страха, ни растерянности, стояла и думала: где же узнают про
детдомы?

Дядя Сережа

И тут на пороге появился дядя Сережа.

«Томка! – сказал он удивленно и радостно. – Ну, молодец, что пришла! Лида, иди зна-
комиться со старшей сестрой!»

Из комнаты вышла боком, как умеют только дети, пухлая девочка и спросила: «Ты зачем
пришла?»

– Как зачем? – засмеялся дядя Сережа. – Чтобы жить с нами!

И все! Я почувствовала, что отныне и навсегда мы с ним родные.

Пройдет много лет. С дочками – Аней и Машей – приедем в гости к бабушке Сереже и бабушке Любе. Девочкам соответственно восемь и четыре. Старшая отводит меня в сторонку:

– Мама, мы тебе скажем что-то, но ты больше – никому!

Младшая, не выдерживая, выпаливает:

– А бабушка Сережа маме твоей мамы!

Так оно и было. Он стал для меня «мамее» всех на свете. Маме же что-то еще долго мешало оттаять и стать такой мамой, которую я люблю и по которой до сих пор скучаю.

А тогда, в первый день, сразу после обеда повел меня в сад. И там мы обнаружили, что одинаково любим и яблоневый сад, и огурцы на грядках, и цветы вдоль дорожки. В нем для меня ожил дед Иван. Не важно, что тот был небольшого роста, седой и тихий. А дядя Сережа – высокий, шумный, с кольцами кудрей надо лбом. У них при улыбке одинаково разбегались морщинки вокруг голубых глаз.

Щедрости, теплоте, открытости дяди Сережи удивлялась позднее, когда повзрослела, а тогда просто отогревалась рядом с ним. Он всегда находил, за что меня похвалить, за что поставить в пример маленькой Лиде. Моя привязанность к ней росла медленно-медленно и выросла окончательно, когда я уже училась в университете – стала скучать по ней.

Не знаю, замечал ли дядя Сережа мое прохладное отношение к своей маленькой дочке? Помню только – очень радовался, когда я читала ей на ночь. Ему было интересно все, что происходило в школе. А жили мы очень бурно со своей школьной газетой. Ему, первому, объявила, что пойду учиться на журналиста. Он знал, что это за профессия, он вообще много чего знал.

Уже взрослыми мы с сестрой однажды забрались на чердак полюбопытствовать и обнаружили аккуратно сложенные тома Советской энциклопедии 32-го года и целый сундук дореволюционных книг с «ятами». Дядя Сережа почти всю жизнь проработал токарем на маленьком декстриновом заводе. Но совсем не походил на привычный образ работяги в расхристанной куртке и заломленной на макушке кепке. Одевался строго – в костюм, но без галстука.

Мы знали про его брата-полковника. Он жил в другой половине дома. Знали про сестру Марию из Вышнего Волочка и про сестру Анну с соседней улицы, чьих детей он когда-то содержал. Знали, что он всю жизнь прожил на Штапу – так назывался наш пригород. Но, только заканчивая университет, узнали, что принадлежали они к старинному купеческому роду Засухиных. И только тогда поняла, как поселковому мальчишке пришла мысль на свою первую зарплату купить матери в подарок сервиз из тончайшего фарфора. Бело-розовые с легкой позолотой чайные чашки до сих пор стоят в посудном шкафу в родительском доме. Осталось, правда, всего две – полупрозрачные, невесомые. Возьмешь и чувствуешь – наши руки слишком грубы, чтобы держать их...

Большой семьей собрались на его восьмидесятилетие. Но... праздник пришлось задерживать – утром прибегает молодой инженер с декстринового завода, где отчим проработал токарем почти всю жизнь: «Дядя Сережа! Пришел такой сложный чертеж... Помоги разобраться!»

У дяди Сережи всего четыре класса церковно-приходской школы, но любой чертеж разбирал, как не всякий инженер разберет.

Тогда я об этом не думала, но видела, с какой серьезностью он относился к работе. И приучал меня, когда я «зарабатывала» стаж для поступления в университет.

Всегда вместе со звонком будильника открывал дверь в мою каморку (ее соорудили мне из части сеней), водружал на лавку два газетных кулья. Один – с перекусом на заводе, второй – с завтраком по дороге. Мама сердилась: «Пусть поест за столом!» «Тогда опоздает. А этого нельзя!» – строго отвечал дядя Сережа.

На завод бежала под модным тогда девизом «Догнать и перегнать» очередного впереди идущего. Ходить научилась почти как марафонец и успевала схватить табельный номер в последнюю минуту.

До завода пять километров. За это время успеешь не один бутерброд съесть! Кстати, очень любила первую смену. Рано утром мир совершенно другой. Уж не говорю о восходах, чистом высоком небе... Но и дождь, и снег – все в особую радость, в преодоление: «будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней!» Чуть позже полюбила, «Песню о Буревестнике». Читаю, а у самой мороз по коже... Дом родительский стоит на крутом берегу Оки. Река здесь широкая, мощная, за рекой луга с травой выше пояса, а еще дальше, далеко-далеко, в какой-то уже синей дали – лес...

Вижу, как по утрам, собираясь на завод, подойдет мой дядя Сережа к окну и что-то пробормочет: «Вы про что, дядя Сережа?» – спросила однажды. «Да как же, вот смотрю на эту красоту и – все бесплатно», – как-то смущенно засмеялся он. Считал, что живет в самом красивом месте земли.

Начиналось лето, я из тесноты отправлялась спать на сушилы – второй этаж сарая для сухого сена. Взберешься по лесенке, сядешь на верхней ступеньке – смотришь на усыпанное звездами небо и ждешь, когда по Оке пойдет пароход на Горький (Нижний Новгород).

Пароход еще колесный. Сначала слышишь издали музыку, потом доносится упоительное «плюх-плюх». Затем из ночи выплывают огни, и вот пароход – сказочный, нарядный – медленно плюхает мимо, а ты все сидишь и ждешь, когда затихнут последние звуки музыки, пропадут огни во тьме. Все, пора на душистое сено, на свежую простыню. Можно еще протянуть руку и выловить из большого ларя самое крупное, самое хрусткое яблоко и... увидеть самые радужные сны.

Когда сад зацветал, дядю Сережу невозможно было дозваться обедать, все ходил между деревьями, смотрел, вздыхал. Однажды, сев за стол, долго держал в руке необыкновенную – тяжелую, литую из стали – ложку. «Ты чего?» – спросила мама. «А, вспомнил весну в 45-м»...

Мама

Для меня тема и простая, и сложная.

По рассказам мамы, по редким замечаниям других родственников или ее подруг сложилась вот такая история. Жила-была девушка – хорошенькая, чуть кокетливая (старые фотографии не врут!): глаза карие, блестящие, на щеках милые ямочки. Родилась на Дальнем Востоке, в Спасске-Дальнем, где живы еще какие-то неведомые мне родственники. Успела в детстве достаточно пожить с родителями на Украине, знала украинский язык, а главное – песни. Редко, но замечательно пела их. Опять пожил в Спасске. Потом из Спасска семья переехала в Муром. Кто-то из знакомых соблазнил деда Корнея муромскими огурцами – мол, очень уж хороши! А огурцы дед любил больше всего на свете. Помните мои рассказы о том, как деда Корней легко менял города? Муром ему понравился, и они с бабушкой Катей решили здесь осесть.

Маме моей как раз исполнилось 17 лет. Она пошла учиться на часового мастера. Появились, конечно, подружки, ухажеры. Ей хотелось красиво одеваться, но бабушка Катя отдавала ей свое, ношеное, приговаривая – перешей, будет лучше нового! Мама научилась шить первоклассно. Спустя годы зарабатывала этим на жизнь. Но больше, чем одешек, хотелось взрослой дружбы с матерью, хотелось делиться девичьими секретами. Она впервые влюбилась... Но ее мама по-прежнему относилась к ней, как к маленькой – строго и поучительно. И чем более девушка – моя мама – пыталась к ней пробиться, тем больше видела, что ее мать нелюбопытна, несентиментальна, хуже – равнодушна. ... Из всех детей любила она до старости старшего сына – Андрея. Не помню, чтоб в рассказах ее мелькало имя Николая – младшего сына. А мальчик был талантлив во всем – стал учителем математики, неплохим художником. Всякое рукоделие получалось у него словно само собой.

В Муроме мама моя встретила, как понимаю теперь, самую большую любовь. Его звали Вячеслав, был он хорош собой, к тому же комсомольский секретарь. А мама певунья-сине-

блужница. Вячеслав поухаживал-поухаживал за ней и быстро остыл, видимо, посчитал красавицу Любу все-таки себе не парой. Для нее это стало катастрофой. Подружки уговаривали ее – смотри, сколько хороших парней вокруг! Самый старший из компании Сережа делал предложение за предложением... «Стар», – сказала мама. Он, действительно, старше ее почти на семнадцать лет.

После разрыва с Вячеславом мама уехала обратно в Спасск-Дальний. А Сережа так и не женился, ждал – может, вернется.

В Спасске подруги детства обрадовались: «Наша Люба приехала! Наша Люба приехала!» И всей стайкой вокруг нее зачастили в клуб – единственное там место развлечений. В клубе и встретил ее мой отец – авиационный штурман. В те годы летчики были в чести! Увидел и сразу полюбил. Мама долго не хотела идти за него замуж, но почему-то все-таки вышла. Не любила, а вышла. Вскоре родилась я. А еще через восемь лет мама оставила меня с отцом и ушла к дяде Сереже. Вот такая вышла рокировка...

Но вся эта картина сложилась для меня гораздо позднее. А когда я так неожиданно – для самой себя же – пришла к маме, она мне не обрадовалась, наверное, растерялась или отвыкла. Странно, но факт – так бывает. Не помнить обо мне она не могла – город маленький, напоминали. Наверное, ей тяжело было ощущать себя неправой. Не знаю, не спрашивала и не хотела ничего знать. К четырнадцати годам я была упрямой, дерзкой и достаточно своевольной. Много читала и считала себя умной. Теперь понимаю – была ей вечным напоминанием ее вины.

Словом, тогда мы не стали близки – мама за все ругала. Бывало и матерком!.. Зато поговорить по душам можно было с отчимом. Как некогда с отцом. Не была мама близка и с моей сестрой Лидой. Боюсь, что тоже мешала история со мной – как бумеранг. Главной заботой мамы было – хорошо ли одета младшая. Наверное, чтоб родственники видели.

Отпустило, что называется, маму, когда я не только поступила в университет, но и вышла замуж за москвича. Как в сказке, мама сразу вдруг стала заботливой и внимательной, всегда готовой слушать мои рассказы, советовать, сочувствовать. Вязала салфеточки, шила и безропотно штопала потом моим девочкам шерстяные носки. Ух, как я сама это дело ненавидела! Теперь мы дружили. ... А уж когда родилась моя старшенькая – ее первая внучка – в наших отношениях наступил просто рай. Я же полюбила приезжать к ним в Муром одна, дня на два по поводу разных событий. Появлялась вечером. Мама с дядей Сережей ждали меня, накрыв стол в кухне. Лида к тому времени тоже жила в Москве. Когда я поступила в университет, они перестроили старенький дом, комнаты стали просторными, с видом на Оку.

Прожив на свете достаточно сама, постукавшись об углы реальных проблем и отношений, годам к сорока я, что называется, нутром почувствовала, как трудно было матери в годы моего детства. Весь город ее знал. Каково ей было среди родственников дяди Сережи, ее не любивших – отняла кормильца. Дядя Сережа до женитьбы содержал многочисленных племянников и племянниц. Теперь все шло в свое гнездо – стараниями мамы уютное, чистенькое жилье.

С начала самостоятельной жизни, неожиданно для себя самой, стала обнаруживать в себе мамины черты: любовь к салфеточкам и вазам с цветами. Ну, это понятно – гены, думала я. Но как ни странно, проявились и черты дяди Сережи: запрятать в холодильник что-то вкусное, приготовить бутылочку собственной наливки или настойки – на случай нежданного гостя. Это уж точно не гены. Любовь?

Истории 1953—1957 годов

Портрету товарища Сталина

1953 год. Провинциальный городок. Спокойная, размеренная жизнь. Что есть на свете какие-то катаклизмы – нам неизвестно. Бунты, тюрьмы, ГУЛАГи – про такое не слышали. Вот у Вальки украли варезки – обсуждается. Сама она это событие не переживает. «А, свалю на младших!» – беспечно машет она рукой. У них большая семья – шесть детей – и она старшая. Ей все сходит с рук. Она – прима в танцевальном кружке! Мать ею гордится.

Утром, не глядя, куда попадаю, шлепаю валенками по мокрому снегу, по лужам – спешу. Надо до уроков забежать к классной руководительнице. Мы с ней вместе делаем стенгазету.

Тороплюсь и все-таки замечаю, что-то вокруг тягостно. То послышался далекий длинный заводской гудок. То кто-то распахнул окно и что-то крикнул. Что, не слышно, но что-то тревожное. Вдруг по тихой улице пронесся сумасшедший грузовик и – прямо к горкому. Оттуда вышла группа людей, и все – плачут...

В школу врываются, как всегда, девчонки, и чей-то радостный крик замирает на полуслове – все упирается в огромный портрет товарища Сталина. Где только такой взяли! Портрет обвит черной лентой. А!... съезжаются все.

Заплаканная классная руководительница встречает нас, шепчет: «Умер товарищ Сталин!» И шепот ее разносится, как набат. «Как жить дальше?!» – плачет нянечка в раздевалке. У всех разом обрывается сердце и неизвестная раньше вселенская тоска гонит нас в актовый зал. К взрослым, к учителям, – они утешат, они научат – как жить дальше.

Но и в зале нет утешения, взрослые и дети плачут вслух и потихоньку. Растерянность и тоска мечутся от стены к стене. Кажется, что сам воздух стал от них густ и, как облако, пополз к высокому потолку. А с потолка на нас взирали лики. Спокойно, невозмутимо и без какого-либо сочувствия.

До революции наша школа была женской гимназией с большим актовым залом, служившим очевидно и для молебна, и для танцев. И теперь мы, советские школьницы, поколение за поколением, на уроках физкультуры каждый год старательно очищаем старые росписи от наслоений ежегодной побелки.

В нашей школе все девчонки умели потрясающе запускать мячи свечкой. В баскетбольную команду рвались даже такие – метр с кепкой – как я. И выдерживали конкурсы.

А теперь лики смотрели вниз, на слезы, вскрики, бурные рыдания даже как-то насмешливо. Хотелось что-то сделать наперекор им, наперекор всему. Кто-то глянул в окно, на соседнем участке стояла пушистая елка. «Дашь лапник!» – крикнули в слезной толпе, – портрету товарища Сталина!»

Не помню, сколько нас ринулось вон из зала. Забор перелетели, как птицы. Откуда взялся топор? Нижние ветки уже тащили к школе, когда вышел хозяин елки. «Вы, что, девочки, с ума сошли?!» Уже кто-то из учителей: «Простите нас, мы украшаем портрет товарища Сталина!»

«Ну, портрет Сталина...» – потерянно проговорил мужчина, махнул рукой и ушел в дом.

Портрет украсили. Даже из соседней, мальчишеской, школы приходили посмотреть и качали головами – разве мальчишки догадаются.

Прошло пятьдесят лет. Теперь мы знаем все: и про Сталина, и про ГУЛАГи, и про дела то инженеров, то врачей.

Каждый год, приезжая в свой город, я иду по старой улице и всегда чуть притормаживаю у школы. Ее старинное здание из красного кирпича с затейливыми, вырезанными по кирпичу

узорами стоит незыблемо и греет душу. Но за ним, как перст, торчит в небо высокая голая ель с взлохмаченной макушкой.

Фантазии, а может и не совсем...

Приход в дом мамы был, наверное, самым решительным моим шагом в жизни. Прошное отпало, как струп засохшей болячки. Но и к новому пришлось приноравливаться. Здесь другая семья, другой быт. Обнаружилось множество тетей, дядей, двоюродных братьев и сестер. Особенно колоритен был «неродной племянник моего неродного отца» – мой ровесник – Альберт. Поговаривали, что он связан с какими-то бандитами. Как интересно! В те времена Муром был не очень спокойным городом. Имелись на то свои причины. Но речь сейчас не о том. Альберт рассказал штапским своим друзьям, что у него появилась сестра, и когда кто-то хотел познакомиться, он говорил: «Она не про это. Она пишет стихи». Имя Альбертовой сестры стало для меня своеобразной охранной грамотой.

Хотя я от природы была не робкого десятка – могла на спор пройти ночью по кладбищу. Это ничего, что коленки дрожали и зуб на зуб не попадал...

Словом, оказавшись в совершенно другой среде, почувствовала себя взрослой. И только втайне, наедине с собой позволяла просыпаться детским фантазиям. Даже дяде Сереже не рассказывала – стеснялась.

Видение огромного неба, огромного моря манило все так же, как в раннем детстве. Наверное, из-за этого после седьмого класса решила стать моряком. Конечно, капитаном дальнего плавания. Послала в Севастопольское мореходное училище (адрес попался в какой-то газете) заявление, справку из школы, что окончила седьмой класс, какие-то медицинские документы. Мудрый дядя из училища ответил, что зрение у моряка должно быть стопроцентное, а у меня – минус один...

Тогда выучила по книжкам названия всех парусов, мачт и прочих деталей парусников. Мое очередное тайное знание для жизни в воображении: закроешь глаза и плывешь, ветер свистит в парусах, какие-то пальмы мелькают по берегам... Но поступить в мореходку не удалось. И я вспомнила придуманного в период моей «робинзонады» – двоюродного брата Игоря, который должен был вместо меня плавать по морям и стоять на капитанском мостике. Не помню, откуда попала в руки фотография моряка. Скорее всего, это был какой-то актер. Юный, красивый – то, что нужно для задуманного. Рассказала подружкам, что учится он в мореходном училище Севастополя. Сама писала себе редкие открытки от него. Но к лету прекрасный «брат» померк.

Пришла весна, а с нею новая великолепная идея – туристический отряд.

В городе еще никому такого не приходило в голову. И мы, девчонки, чувствовали себя первопроходцами. Особенно потому, что нашу школу только что объединили с мальчишеской. Все хотели в нашу команду, но мы так придирчиво выбирали, что в команде, в конце концов, оказались только Вовка Святков и Яшка Свердлов. Два мальчика и восемь девчонок. Директор идею одобрил. Руководительницей назначили старшую пионервожатую Марию Ивановну.

Таким составом мы стали ходить в походы по (как теперь говорят) малой родине. Ходили пешком, на байдарках по мелким речкам, на шлюпках по Оке...

Смешная случилась история в самом первом походе, осенью. Нам по четырнадцать, Марьяванне – восемнадцать. Мы подчинялись ей беспрекословно – таково было условие главного вдохновителя – учительницы биологии Нины Валерьяновны Кошелевой.

Марьяванна, человек деревенский, к ночи быстро находила общий язык с хозяевами домов, и ночевали мы всегда в тепле. Палаток тогда у нас еще не было. И первая же ночевка стала для меня неожиданным уроком.

Приняла нас хозяйка последнего дома. Марья Ивановна стала готовить ужин. «А что у вас на ужин?» – поинтересовалась хозяйка. «Гречка». – «Ой, гречка! А можно и мои ребята поедят с вашими? Они гречку-то, почитай, и не едали!» Гречка тогда была страшным дефицитом. И вот варит Марьяванна гречневую кашу в огромном чугуне в русской печи. Потом вываливает ее в большущий таз. Хозяйка бухает в кашу большой кусок топленого масла – аромат по всей избе... Восемь нас, Марьяванна, сама хозяйка и человек пять хозяйских детишек похватили ложки. А я гречку не ем с детства, когда-то мама сказала, что там железо.

Смотрю, ложки так и мелькают, а каши все меньше и меньше.

– Марьяванна, а я что буду есть? Я же гречку не ем...

– Ляжешь спать голодной, – спокойно отвечает Марьяванна.

– А ты попробуй, а то опоздаешь! – советует хозяйка.

Зачерпываю ложку, другую... как вкусно! Наверное, только так и можно распробовать настоящий вкус – когда мало остается.

В другой раз мы, уже восьмиклассники, проходим через деревню, покупаем в магазине хлеб в дорогу. Наши мальчики Вовка и Яшка идут последними и кидают маленькие кусочки хлеба гусю. Ушли от деревни далеко, а гусь все топает за нами. Останавливаемся на ночевку, строим шалаш, палаток у нас тогда не было. Ребята привязали гуся неподалеку. Гусь затосковал да как гагакнет! Марьяванна аж испугалась. Потом: «Ведите его обратно в деревню!» А вокруг ночь... Мы еле уговорили ее оставить гуся и зажарить с яблоками. Поклялись, что никогда и никому. Яблоки в моем рюкзаке, из моего сада. Марьяванна сдалась. Гуся мастерски ошпали, облив сначала кипятком. Набили его яблоками и на толстой ветке зажарили над костром.

Не так давно встретила в Муроме бывшую сопоходницу. Вспомнили многое и гуся в том числе. Моя Нина взгрустнула: «Никогда в жизни не ела ничего вкуснее того гуся». Вот как!

Что нам стоит дом построить? Нарисуем – будем жить!

У мамы была подруга – тетя Лена – большая, рыжая, кудрявая, улыбчивая. Но самое важное – ... любительница читать. Маленький, серенький, чуть покосившийся домик изнутри оказался выложенным книгами. Тетя Лена работала в городском правительстве (по нынешним понятиям). Книги тогда, как помнят дедушки и бабушки, «доставались», а к тете Лене текли рекой. Тут-то мы и нашли друг друга. Позже тетя Лена отвела меня в городскую библиотеку к своим подругам – Марье Петровне и Клавдии (молодая была для отчества).

Меня закружили все эти стеллажи, полки, подставки, столы – всюду были книги, книги, книги... Увидела «Робинзона Крузо» – уже давно любимого – и вспомнила придуманную историю про путешествие по его следам... Наскоро, захлебываясь, пересказала Марьепетровне и Клаве про свое «начавшееся» путешествие... Обе так внимательно и понимающе слушали, что никакого стеснения не возникало. Мне отвели закуток в конце ряда стеллажей, принесли карты, уселись со мной, и мы «поплыли»...

Я – Робинзон Крузо. Нет, все-таки не Робинзон, а Некто, поселившийся в соседней пещере. В ней еще нет козлиных шкур, зато есть сплетенные из волокон неведомых растений циновки. Крючок соорудила из колючки акации... Вопрос – из чего вязать? – всех заставил задуматься. Хором вспомнили, что Василиса Премудрая связала рубашку жениху из крапивы. Ага, на таком диком острове крапива есть наверняка, но как же рвать ее голыми руками? Посыпались предложения. Самое простое – а подол-то на что! Более опытные взрослые «уже подруги» догадались – надо крапиву помять, чтоб не жглась. Бросить на землю, потоптать ногами. Теперь вяжи, хоть покрывало, хоть накидку... Поначалу взрослые тети не догадались, что «заразились» Робинзоном, а потом жалко было уже придуманного. Вместе отыскивали роднички, стали искать, что там растет, чем питаться нашему Робинзону, пока никак не мог «родиться» наш Пятница.

Робинзон нас, конечно же, не видит, а мы тайно подсматриваем. И роюсь в справочниках, книгах о путешествии на подобные острова – какие растения он собирает в пищу. Придумывать растения оказалось не просто. Все время лезли в голову помидоры да огурцы. Библиотекари, посмеиваясь над собой, подыскивали какие-то ботанические справочники, подсказывали, что сами знали. И какое же счастье испытала, когда попала книга Верзилина. Оказалось, что и помидоры и огурцы имеют полное право расти на острове, потому как родом они из тех самых жарких стран близ экватора.

Мы проиграли всю зиму. И пошли даже дальше, чем Стивенсон – мы задумали строить корабль сами. К весне наши общие поиски и фантазии иссякли и пришлось-таки поднять грот-мачту... О, благословенные книги про морские путешествия! Прочитала тогда все, что стояло на библиотечных полках. И художественные, и справочные, и даже технические. Художественные запоминались лучше, но нам ведь нужны были всякие детали кораблей...

И тут случилось несказанное везение! В школе каким-то чудом организовался кружок морского моделизма. Мои подруги меня тут же в него командировали. Как же мне пригодились наше «библиотечное плавание»!

По сей день огромное чувство благодарности Случаю, появившемуся, словно по волшебству. Тогда еще не поняла, но почувствовала – как важно быть готовым к везенью. Как важно – кожей ощутить, это – твое. Но как часто потом в жизни кожа оказывалась буйволовой! Особенно, если живет в тебе вечное смущение, неверие в себя и боязнь высунуться из толпы вперед. Боязнь до темноты в глазах...

Обычные школьные будни

Мне они кажутся гораздо насыщеннее, чем у нынешних детей, лишенных свободы передвигаться самостоятельно. В безтелевизионное детство вся культурная жизнь проходила в школьных кружках. Кружок химии, где я выращивала кристаллы. Это такое волшебство – из крошечной точки (затравки), постепенно вырастали удивительной формы и цвета крупные кристаллы. В тонком стеклянном «химическом» стакане из раствора медленно рос идеальный шестисторонний ромб размером чуть меньше куриного яйца. В соседнем стакане висел на тонкой нитке лазуритовый кристалл медного купороса.

Учительница химии Ольга Михайловна (надо же – имя помню до сих пор!) доверяла только мне ключ от кабинета со всеми колбами, ретортами, реактивами. Колдовала я одна, кроме меня выращивание кристаллов не увлекло никого.

Ребята в школе предпочитали спорт. Конечно, лыжи, шлюпки, но больше всего любили баскетбол и волейбол. Не понимаю, неужели взрослые не догадывались об одной мелкой детальке в этом увлечении? Наша школа до революции славилась лучшей женской гимназией. В актовом зале проходили богослужения. И все поколения советских школьников старались шарахнуть мячом по высокому потолку. Его каждый год белили. Но к концу очередного школьного сезона потолок непременно осыпался. То там, то тут на свет появлялись на потолке лики святых.

Школа гудела до позднего вечера: работали кружки – главным считался драматический. Там я, конечно же, играла в спектаклях и читала стихи. Кружок химический, исторический, биологический. Молодая энергичная Нина Валерьяновна Кошелева – учитель биологии – организовывала и вдохновляла еще наши туристические походы, кружок рисования вел Михаил Лёвин. У него занимались все ребята, делавшие школьную стенгазету. А уж мне полагалось по статусу, как главному редактору. В восьмом классе попала в руки книжка «Вторая древнейшая профессия». Что уж так в ней потрясло – не помню. Но, прочитав ее, загорелась – журналист – вот самая интересная профессия на земле! И начала пробовать силы, стесняясь, смущаясь, заикаясь, выползая из вороха комплексов, как слабый куренок из скорлупы. Лёвин

меня, как редактора газеты, поощрял, огорчаясь, что мало во мне сатирической жилки... Какой учитель был и какой художник! А мы, школьники, не понимали... Уже учась в университете, любовалась работами на его выставке – не знаю, как искусствоведам, мне же он казался равным и Серову, и Левитану. Его «Есенин» – большой поясной портрет – висит теперь в петро-заводском музее. Настоящее же чудо – портрет матери с букетиком цветков сон-травы. Перед портретом хотелось постоять одной, рассказать свои печали... Ее глаза смотрели внимательно и ободряюще, она все-все понимала. А цветы в руках – для успокоения и надежды. На ту выставку ходила несколько раз – специально постоять перед портретом.

Года через три, уже заканчивая университет, приехала в Муром. Мой приятель художник Женя Аристархов повел в гости к Лёвину. Лёвин сразу узнал бывшую ученицу, обрадовался, что таки поступила. Почувствовала, как выросла в его глазах – впервые такое непривычное бодрящее ощущение... Жена его стала накрывать стол к чаю. От нее нельзя было отвести глаз... Красавица из иллюстраций к сказкам Пушкина – высокая, стройная, глаза весенней голубизны. Бывает так – женщина без возраста. То есть возраст-то есть, но значения не имеет.

На стенах просторной квартиры картины, знакомые по давней выставке. И прямо передо мной портрет матери. «Помню, у вас был этюд к этому портрету – букетик сон-травы...» – напомнила с замиранием сердца. Лёвин долго сокрушался – успел кому-то подарить тот этюд – и все пытался подарить другой этюд. От смущения отказалась, хочу, мол, только сон-траву... И столько лет жалею.

В старших классах поменялись многие учителя и наши с ними взаимоотношения. Ребята уже задумывались – что делать дальше. Но почему-то тогда даже очень хорошие педагоги не вели с нами мировоззренческих, просветительских бесед. Мы сами чаще всего не знали, куда тыкаться, и выросли, как помню, достаточно невежественными с обрывочными, куцыми знаниями.

Муром всегда славился художниками. Местной примечательностью считался художник Морозов. То ли он сам, то ли потомки превратили его дом в музей. Мы с подружкой попали в него совершенно случайно, можно сказать, по ошибке. Ходили по залам, «разинув рот». Совершенно одни. «О! У нас посетители!» – радостно сказала какая-то дама, вклинившись между нами, взяв нас под руки, повела по залам, рассказывая попутно и про других художников. Не отпуская, усадила нас на старинный диван, на котором посетителям сидеть не полагалось. Говорила с нами, как со старыми знакомыми, которые будто бы тоже все знают. И даже несколько раз сказала что-то вроде: «А помните, вот у Венецианова...» или «Такой мотив встречается у Репина...»

Провожая, просила непременно заходить еще, ведь не так часто школьницы интересуются искусством. Вскоре выучили и все работы художника, и его жизнь. А милая наша воодушевленная стала подумывать, не готовить ли нас к поступлению на искусствоведческий... Но идея ее так и осталась для нас просто соблазном.

Интересно, что после посещения музея мы вдруг обнаружили на центральной площади города художников, сидевших на скамейках со своими картинами. Подошли посмотреть. Оказалось, они собираются каждые выходные. Как мы не замечали их раньше? Стали ходить на площадь, как теперь на вернисажи...

Кто-то из художников, хвастаясь перед нами, зелеными девицами, предлагал пойти в музей и посмотреть на тамошнего Поленова, и убедиться, что у него – не хуже. Музеем было самое известное в городе здание, принадлежащее всемирно известной фамилии купцов Зво-ркиных.

Музей нас потряс. Школьников в те времена почему-то по музеям не водили, по крайней мере, в нашем городе.

И здесь нас тоже отловила пожилая дама с высокой прической, какие бывают лишь на картинах. Мы, как малые дети, ходили за ней, ничего не спрашивая, только слушая. Оказалось, что

вся необычная мебель музея из имения графов Уваровых. Видя наше беспросветное незнание ни-че-го, дама вдруг решила и дала нам старую, выдавшую виды, книжку. Заглянула в глаза, аж по самое доньшко, прося обязательно вернуть. Это ведь единственный экземпляр!

Не знаю, было ли это уловкой или в самом деле так поверила... Книжку мы прочитали несколько раз в изумлении. Ничего подобного раньше читать не приходилось. Какой это был класс? Седьмой ли, восьмой... Конечно, книгу мы торжественно принесли даме, обернув газетой, как драгоценность. Из школы и раньше-то пробегали мимо, а теперь бегали в ожидании, что на воротах появится скромное объявление: такого-то числа состоится... Нам казалось, что объявление вешают специально для нас. Конечно же, именно оттуда весь мой последующий интерес к музеям, художникам, коллекциям. И... к афишам. Посмеиваясь про себя, читаю и думаю – вот это точно для меня писано...

Постепенно нас со Светой стали узнавать в музее и с удовольствием отвечать на все наши вопросы, рекомендовать книги. Сейчас все можно найти в интернете, а тогда из устных рассказов узнавали про совершенно другую жизнь, как теперь про другую планету. Особенно заворожили Уваровы. Нравилось в них все: и то, что сам граф Уваров не богатый бездельник, как чаще всего мы думали в те времена про всех богатых, а выдающийся ученый-археолог. Молодая жена Прасковья Уварова во всем помогала мужу, даже звалась «второй Дашковой». Мы еще не знали, кто такая Дашкова, но отчаянно зауважали ее тоже, вместе с Уваровыми, и пошли искать само имение.

Строгий трехэтажный белый дом на крутом берегу Оки и длинная белокаменная лестница прямо к воде. После революции имение превратили в военный санаторий. И потому подойти к дому нам не удалось. Мы понаслаждались видом на Оку с высокого берега. Заокская даль в лугах просматривалась до синеющих почти в небытии лесов, а справа и слева – крутой высокий берег, изрезанный живописными оврагами, украшенный садами и церквями.

Эсминец «Быстрый»

Он до сих пор стоит на пьедестале в зале бывшего Дома пионера города Муром. Надеюсь. А может быть, стоял до недавнего времени.

В 1954 году в нашей совершенно сухопутной школе организовался кружок морского моделирования. Пришел как-то Капитан, как нам его представили, так мы его и звали – так что имени-отчества даже не знаю. Капитан звал в кружок всех, и девочек тоже.

У меня уже были: кружок театральный, кружок туристический, кружок ботанический. Но мы со Светой Топоровой, моей соседкой по парте, решили, что и этот не помешает. Тем более, что домой меня особо не тянуло, мы с мамой еще не нашли какого-то общего приятного языка. Мне, правда, невероятно повезло с отчимом. Мой дядя Сережа поддерживал все мои выдумки и начинания. Мы с ним крепко дружили. Поговорила с ним. Он: «Давай, что, зря, что ли, над Окой живем!» На том и порешили.

Но было еще одно обстоятельство, о котором знали только самые близкие подружки. Но и они знали не все.

Когда-то, классе в пятом, начитавшись всевозможных морских рассказов, я загорелась морем. Страшно сожалела, что родилась девочкой. Подружка по дому, ровесница Таня Стенягина, сочувствовала. Хотелось быть похожей на мальчика, но отец отрезать косицы не разрешал.

Каждое утро моя Таня запутывала мои тощие длинные косички немыслимыми узлами, чтоб их будто бы и нет вовсе. Потом бежали в разные школы – это оказалось важным. Ей можно было рассказывать разные выдумки, про которые в моем родном классе никто не узнает. Уж очень языкастый и насмешливый подобрался у нас народ. Того гляди, высмеют.

Поначалу только Таня знала, что у меня есть двоюродный брат Игорь. Начисто выдуманный. Но об этом Таня не должна была догадываться. Игорь «жил», естественно, в Севастополе. И учился в Нахимовском училище. О жизни училища вычитала в какой-то книжке, потому врать было легко.

Не помню, каким образом, но некоторые классные подружки к седьмому классу тоже узнали про Игоря. Скорее всего, увидели фотографию молодого красавца в бескозырке, с которой я не расставалась. Так Игорь поселился в нашем классе, и девочки очень его полюбили. И даже ждали начала учебного года, чтоб послушать про Игоря. Приходилось читать про моря, корабли. Читать и выуживать из них события, в которых мог бывать и мой Игорь. На лето я всегда «отправляла» его в учебку по Черному и Балтийскому морям. Моей фантазии на другие моря не хватало.

Потом я «поступила» его в Ленинградское высшее военно-морское училище. К концу школы он так мне надоел, что отправила его в кругосветку на «Крузенштерне» и вздохнула, наконец, свободно.

Но к моменту возникновения кружка Игорь еще благоденствовал. Девчонки, поголовно влюбленные в моего брата, говаривали даже, что Капитан будто бы отыскал меня по его поручению.

И вот мы со Светой пришли в мастерскую. Мальчишки, естественно, подняли нас на смех. Но Капитан решительно заступился. Более того, дал нам самую сложную модель – эсmineц «Быстрый». Длина корпуса – метр.

И начали мы пилить, строгать, вытачивать детали, клеить. Света подошла к делу с научной точки зрения. Папа ее нашел военно-историческую литературу. Мы все прочитали и щеголяли знаниями технических подробностей и биографий адмиралов и прочих чинов, имевших отношение к «Быстрому».

Если не хватало каких-либо материалов для строительства, Света подключала родителей, я – отчима. Он добыл где-то тонкие алюминиевые трубочки для труб на корабле. Светин папа нашел для нас нужную серо-серебристую краску, какой следовало окрасить корпус корабля.

Однажды Капитан привел двух курсантов-связистов посмотреть наш корабль. Его нужно было оснастить проволочками и чем-то еще. Курсанты осматривали эсmineц, качали головами, цокали языками. Бегло осмотрели модели мальчишек. И опять сгрудились с Капитаном около нашей.

Сначала не поверили, что мы все делали сами и что Капитан не пилил, не строгал за нас. Тот поклялся.

– Уважаем! – сказали курсанты и обещали добыть для нас все, что требовалось. На следующий день Капитан позвал нас со Светой пойти вместе за обещанным.

Курсантов отпускали на волю редко. А на улице был май. Все утопало в свежей зелени, и нам очень хотелось пройтись по городу и даже покрасоваться перед курсантами, навязав ослепительно белых бантов.

Мы со Светой ожидали увидеть какое-то парадное здание с торжественным подъездом, а пришли к длинному каменному забору с колючей проволокой поверх. Над забором высились купола церкви.

– Тюрьма?! – испуганно спросили мы хором и замерли на полушаге.

– Ну, что вы, девочки. Это военное училище связи, – торжественно сказал Капитан. – Здесь мое основное место службы.

– А как же вас выпускают? – растерянно спросила Света, глядя на два ряда колючей проволоки.

– А я вольноопределяющийся! – засмеялся Капитан. И мы поняли, что быть вольноопределяющимся – большая привилегия.

Капитан прошел под высокой аркой, забранной могучей чугунной решеткой, два солдата с винтовками отдали ему честь, а он ласково проговорил им: «Вольно, вольно, ребята!» Мы остались перед воротами. Каменная ограда тянулась по всей улочке, спускалась вместе с косогором вниз к Оке, запутываясь книзу колючкой в деревьях. Была она грязной, местами ободранной, словно ее время от времени брали штурмом.

На другой стороне улочки стояли старые домишки и заборы у них тоже высились вровень с крышами. Из калитки одного из домишек выглянула старая бабка, почему-то перекрестила нас со Светой и сказала: «Деточки, бедные...»

Мы не поняли, почему мы бедные, но тут, к счастью, вышел наш Капитан, вынес нам несколько мотков разноцветной проволоки, объяснил, какую куда крепить на нашем эсминце, и, пообещав завтра прийти в школу, заторопился обратно.

– У нас сегодня торжественная линейка! – радостно улыбнулся он.

Надо же, линейка, как у нас в школе! И на душах у нас немного посветлело. Мы даже почувствовали себя храбрыми пионерками, почти разведчицами. И решили пойти назад путем неразведанным.

Пошли переулками, помня главное направление... Здесь уже был не город, а деревня. Домишки все почему-то покосившиеся, дорожки горбатые и ухабистые. Переулки шли один над другим по крутой горе над рекой. Мы с верхнего переулка видели все, что происходило во дворах и на огородах жителей нижнего переулка.

Все это было особенно интересно Свете, она жила в центре города в большом красивом многоэтажном доме. Мне же все это напоминало мою окраину тоже с частными домами, огородами, садами. Так же бегали собаки, кое-где блеяли козы и пели петухи.

Завтра было воскресенье. В школе тоже готовились к торжественной линейке. Музыка, лившаяся из актового зала, заполняла всю школу. Мы прошли в свой класс, где шло занятие драмкружка. Быстренько отчитав вызубренные отрывки из Маяковского, побежали к своему эсминцу.

В классе были только трое мальчишек, строивших модель паровоза «Илья Муромец». Это был спецзаказ железнодорожников. Модель была еще больше нашей и тоже очень хорошо получалась. Она потом долгие годы, как наш эсминец, стояла в Доме железнодорожника. И старая уборщица – внучка машиниста, водившего этот паровоз во время войны, считала с него пыль и рассказывала малышам, которых туда приводили из школ, историю паровоза и своего деда.

Мы со Светой прикрепили все проволочки и навели последний блеск на своем творении. Через неделю, на торжественной линейке, будет определена лучшая модель, и ее перевезут в городской Дом пионеров. Никто не сомневался, что лучшая – наша.

– Эта модель в честь твоего брата Игоря! – вдруг взволновано сказала Света. – Я надеюсь, что ты ему давно написала про наш «Быстрый» и про меня... – тихо закончила она. И только тут до меня дошло, что Света, как многие девчонки в классе, была влюблена в моего выдуманного брата. Что мне оставалось делать?! Конечно, сказать, что писала про эсминец и про Свету особенно. Ведь она оказалась моим лучшим товарищем и сподвижником. Во времена моего детства это ценилось превыше всего.

Прошло много лет. Где ты теперь, Света? Где Капитан? Сгинуло военное училище связи, почти исчезли ветхие домишки и кривые переулки. Теперь на горе высятся нарядные коттеджи и ездят по переулкам дорогие машины.

Давно сняли с каменной ограды колючую проволоку, подновили, покрасили, распахнули тяжелые чугунные решетки ворот – входи, верующий и неверующий люд. Теперь здесь, как встарь, большой мужской монастырь с обновленными церквями, службами, воскресной школой, своей пекарней и прочим-прочим.

Меня же особенно радует прекрасный сад. Он раскинулся вокруг храмов и строений на крутом берегу Оки. Из ажурной беседки можно любоваться заокскими далями и думать, что все преходяще и все возвращается на круги своя, задуманные не нами.

Истории 1957—1960 годов

Преддверие взрослой жизни

Начиналось тревожное время – последний класс. Когда девочки напоминали про выдуманного мною брата Игоря, отмахивалась и хотела уже сознаться в выдумке, да не тут-то было! Всем Игорь так понравился, так понравился! Пришлось придумывать ему жизнь дальше. Он прожил до моего выпускного вечера. Правда, к этому времени и фантазия истощилась, и надоел он мне изрядно. Тогда решила «поступить» его в высшее военно-морское училище в Ленинграде, а потом отправила в кругосветку на паруснике «Крузенштерн». Отпала нужда в писании самой себе открыток-приветов – и кто-то стащил у меня уже весьма потертую фотографию.

...Несколько поколений выпускников муромских школ встречали рассвет на наплавном понтонном мосту через Оку. Все мы чувствовали себя уже взрослыми. Надо было закончить игру в «Игоря». На мосту и призналась, что никакого Игоря нет и все это выдумка. Меня чуть не утопили! Огорчение девочек меня смешило, сама к тому времени «выросла из этого платья». Да и до детских ли фантазий – готовилась к будущей профессии. Что же, зря, что ли, вела школьную стенгазету и писала стихи. Читала их, конечно, только самым проверенным подругам.

Сразу после окончания школы в университет не поступила. А тут как раз вышел закон о двухгодичном рабочем стаже для поступления. Истая комсомолка, иду работать на стройку. Год таскаю носилки с кирпичом в бригаде каменщиков, работаю с ними на стене – бутю (то есть заполняю битым кирпичом пространство между двумя рядами целых), у меня это уже ловко получается. Но рабочие смотрят на меня как на ненормальную. Во-первых, девица, во-вторых, после десятилетки, в-третьих, городская (на стройке работали, в основном, жители окрестных деревень), и в-четвертых, собирается учиться на черт-те кого, не выговоришь...

Гордясь, очень втайне, сама собой, пишу в «Муромский рабочий». Печатают даже мои стихи! Про рабочих и кельму – мастерок в руке.

Кто-то отводит меня в кружок, или как он там назывался, поэтов при газете. Маленькая комната, полная дыма, горячности, разнокалиберных стихов... Кроме меня там еще одна девица, такая высокомерная, что сдружилась я только с Беньковским, пишущим под Есенина, и с рыжим Борей Дриблингом (известным в городе баскетболистом и страстным поклонником моей подруги Гертруды). Прозвище к нему прилипло и осталось для меня вместо фамилии. С Беньковским мы жили рядом. Но с посиделок провожал Боря, чтобы всю дорогу читать стихи про Гертруду.

*Мне ночи звоном звезд залиты,
И я, мечте себя отдав,
Услышал голос Аэлиты
И шелест марсианских трав...*

Надо же, как в память врезалось! Гертруда поступила в Бауманское, а с Борисом много лет спустя столкнулись на московской студии научно-популярных фильмов. Его «Аэлита» - Гертруда так и осталась мечтой. Еще тогдашними вечерами предчувствовалось, что так и случится. Заранее печалилась за него...

Неожиданный университет у Пятаевых

Самый центр старого Муром. Арка большого каменного дома выходила на знаменитую муромскую водонапорную башню... Темная длинная лестница на второй этаж. Какая-то кукольная прихожая. Тоже темная, со стыдливо приткнутой в уголок керосинкой или чем-то, на чем готовят. В этом доме к еде относились невнимательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.